

Виктор Ааб

Горячее кресло

1986 год. Телефонный начальник

Виктор Ааб

**Горячее кресло. 1986 год.
Телефонный начальник**

«Издательские решения»

Ааб В.

Горячее кресло. 1986 год. Телефонный начальник / В. Ааб —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902735-1

Он работал на предприятии, обслуживающем сельскую связь области, но неожиданно возглавил городское предприятие областного центра. Ознакомившись с положением дел, поначалу испытал настоящий шок. И было от чего... Надо было вселить уверенность деморализованному коллективу, что можно вывести предприятие из прорыва. Он сам сначала не верил в это, но стыдно было отступить. Достичь поставленной цели можно было только полагаясь на себя и доставшийся коллектив. А в стране стучала в дверь перестройка...

ISBN 978-5-44-902735-1

© Ааб В.

© Издательские решения

Содержание

ЯНВАРЬ	6
Глава 1. Неожиданное предложение	6
Глава 2. Большой проблемный корабль	8
Глава 3. Вступление в должность	12
Глава 4. Кадровые сюрпризы	14
Глава 5. Первые поручения	18
Глава 6. Жёсткий, бесцеремонный пресс	21
Глава 7. Приём по личным вопросам	26
Глава 8. Почему всё так плохо?..	30
Глава 9. Собрание по итогам года	33
Глава 10. Волнительное событие	36
Глава 11. Парадоксы очередности	37
Глава 12. Планёрки по своим правилам	40
Глава 13. Цеха и участки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Горячее кресло 1986 год. Телефонный начальник

Виктор Ааб

*Простым людям, сынам Отечества
бесследно растворившимся в пучине перестройки...*

*Совпадение имён, фамилий и названий местности носит
случайный характер.*

© Виктор Ааб, 2018

ISBN 978-5-4490-2735-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЯНВАРЬ

Глава 1. Неожиданное предложение

Странный день. Как обычно в восемь часов я нахожусь на работе. Вот уже несколько месяцев я исполняю обязанности начальника Эксплуатационно-технического узла связи, по аббревиатуре – ЭТУС, – солидного предприятия, обслуживающего зонную (между областным центром и районными центрами) связь области, сельскую связь и радиофикацию пяти её районов. Вполне с обязанностями справляюсь, и практически, до сегодняшнего дня, уверен, что буду утверждён в новой должности.

Мне 32 года, я уже десятый год после окончания института связи работаю в ЭТУС, причём более восьми лет – в должности главного инженера. Все у меня, хорошо складывается, и вдруг, – этот непонятный и странный звонок. Звонок от Фенина Андрея Алексеевича – начальника Областного управления связи, – моего непосредственного шефа.

После короткого приветствия, как всегда – без обиняков и лаконично, он выдаёт: – Виктор Васильевич, – с завтрашнего дня в ЭТУС назначен новый начальник. Называет фамилию известного мне человека.

Это Грачев Степан Анатольевич – бывший наш сотрудник. Он долгое время работал освобождённым секретарём профсоюзной организации предприятия, затем, несколько лет проработал даже заместителем начальника ЭТУС и потом, снова вернулся на профсоюзную работу. В настоящее время занимает пост заместителя председателя в Областном профсоюзном комитете связистов. С хитринкой мужик, сам себе на уме. Несмотря на долгую совместную работу, мягко говоря, он не очень мне приятен.

И вот, на тебе! Он будет моим начальником?!

Интересно, а чем же это я не угодил своему руководству?

Новость ошеломительная. Так можно и быка с ног свалить. От неожиданности я почти теряю дар речи, голова отказывается соображать и меня хватает лишь на то чтобы малодушно, по-детски, пролепетать:

– А как же Я?..

– Поработаете главным инженером – звучит в ответ, и Фенин ложит трубку.

Несколько дней я анализировал ситуацию. Ведь должна же быть причина прямо выраженного мне недоверия, искал и не находил ответа. Хотя, невольно в душе, сомнение, что меня назначат начальником ЭТУС, иногда возникало.

Исполнял обязанности начальника я уже более полугода и, несмотря на то, что был очень опытным главным инженером, – проработал в этой должности восемь лет, – срок моего утверждения почему-то неоправданно затягивался. На практике, в случаях, подобных этому, он длился, как правило, не более двух месяцев, по их истечении претендента обычно утверждали...

Неужели затягивание с утверждением в должности связано с моей национальностью? Отголоски войны все ещё продолжали бить по нам – российским немцам, по инерции, скользящей долей подозрительности, недоверия.

Но нет, дело не в этом! Эксплуатационно-технический узел – это чисто эксплуатационное предприятие. Предприятие с очень незначительной долей секретности, и в моем случае фактор национальности вряд ли может играть определяющую роль.

При назначении на должность первого руководителя имеет важное значение принадлежность претендента к Коммунистической партии. Но и здесь вроде бы все нормально. Я был достойным комсомольцем, недавно принят в кандидаты КПСС... А то, что несколько затянул

с вступлением в партию – здесь нет моей вины. Несмотря на исконную пролетарско-колхозную принадлежность, по окончании ВУЗа, я автоматически переместился в категорию ИТР, а для этой категории при приёме в партию существуют квоты. Партия строго соблюдает пропорции по соотношению в своём составе рабочего класса, колхозников, и как принято говорить – трудовой интеллигенции. Несмотря на свои искренние марксистско-ленинские убеждения, я банально вынужден был дожидаться своей очереди на вступление в её ряды.

За почти уже десятилетний срок работы в ставшем мне за это время родным Эксплуатационно-техническом узле, чётко уяснил: – руководить им достойно сможет лишь основательно подготовленный технически грамотный специалист. По степени своей подготовки, и практического опыта, среди окружающих людей, я не видел себе конкурентов.

И вдруг – на тебе! Грачев Степан Анатольевич – профсоюзный функционер!

Я довольно хорошо знаю этого человека и понимаю – не обладая специальными техническими знаниями, согласиться на должность начальника ЭТУС он может лишь при условии, что я останусь работать с ним в связке – главным инженером.

А вот это удовольствие – я ему вряд ли доставлю. Уйду из принципа!

Принял решение. Принял и успокоился.

Несколько дней спустя, меня неофициально посетил Степан Анатольевич. Пришёл, как говорится на разведку. Из общения с ним я понял, что твёрдого согласия стать начальником ЭТУС он ещё не дал. Грачев не тот человек, который сломя голову, из чувства долга, или по партийной бескорыстности, поступит в ущерб себе, упустит свою выгоду. В его стиле, – просчитывать ситуацию. Работа в ЭТУС – даже руководителем, ну совсем не мёд. Серьёзная ответственность, очень большая нагрузка и никаких дополнительных возможностей по заработку, кроме штатного оклада и общеустановленных премий, правда – регулярных.

То, что я с ним работать не буду – он понял сразу по моему выражению лица. Поговорили на общие темы. Не очень клеился разговор. Так и ушёл Грачев, не высказав своих истинных намерений.

Пауза по смене власти в ЭТУС затягивалась. Я продолжал работать. Настроение было отвратительное, дни пролетали, а новый начальник все не появлялся. Первые дни все валилось из рук, но работа в ЭТУС такая, что сильно расслабиться просто невозможно, особенно – если исполняешь одновременно и обязанности начальника и главного инженера. За повседневными заботами обида постепенно отошла на второй план.

Прошло почти два месяца. До нового 1986 года оставалось менее недели. С Фениным мы общались очень редко. Вопросов лишних ему я больше не задавал, и вдруг, в канун Нового года раздаётся звонок, и он приглашает меня к себе в кабинет.

Тревожно забилося сердце – вызов явно неспроста. Как бы позабывшаяся, проблема с назначением мне нового начальника, замаячила с полной силой. Только подумалось: – ну что он за человек – этот Фенин! Осталось два дня до Нового года! Ну, неужели нельзя было расставить точки над «и» после праздника... Чисто по человечески! Мог бы в самый канун Нового года не портить настроение человеку!

Нет! Не удержался!.. Сейчас преподнесёт в качестве новогоднего подарка – пакость...

Поддерживая репутацию непредсказуемого человека, Андрей Алексеевич, в свойственной ему манере, без предисловий, опять ошарашил меня совершенно неожиданным предложением

– Я вам, Виктор Васильевич, предлагаю должность начальника Синегорской телеграфно-телефонной станции – заявил он. Думать будете или нет?..

Только и мелькнуло в голове – ну вот, хоть не придётся подчиняться Грачеву! Даже почувствовал облегчение. Неожиданно решилась проблема с оскорблённым самолюбием.

– Не буду – ответил я, и дал своё согласие.

Глава 2. Большой проблемный корабль

А подумать следовало. Синегорская телеграфно-телефонная станция (ТТС) в качестве самостоятельного предприятия образовалась от разделения единого, в своё время, Городского узла связи (ГУС) – на Почтамт, и собственно, Телеграфно-телефонную станцию. Произошло это в 1976 году.

Бессменный руководитель ГУС, руководитель с большим опытом и огромным авторитетом – Селин Степан Иванович, при разделении – возглавил Почтамт, и естественно, с ним на Почтамт перешли наиболее опытные работники городского узла. И что сказало особенно больно и серьёзно ослабило Телеграфно-телефонную станцию – перешёл на Почтамт начальник цеха городской телефонной сети (ГТС) – ключевого цеха вновь образованного предприятия – Фурсенко Николай Андреевич.

Начальником вновь образовавшейся ТТС назначили опытного инженера областной лаборатории связи – Мартянова Анатолия Васильевича.

Не по силам оказалась руководящая ноша для Мартянова. Не обладая жёстким решительным характером, практически не имея за плечами опыта административной работы, Анатолий Васильевич оказался один на один с кадровыми проблемами, допустил слабинку, и новое предприятие залихорадило с первых же дней. Естественно, Мартянов – человек по натуре очень порядочный, сильно переживал. Он оказался, слаб здоровьем и буквально через полгода с инфарктом слег в больницу, оправившись от которого, в качестве руководителя – на работу уже не вышел. Вернулся обратно в свою лабораторию, где в дальнейшем, так и котировался как высококлассный специалист.

Телеграфно-телефонную станцию возглавил Мирославцев Виктор Анатольевич.

Судьба на некоторое время столкнула нас, – молодых специалистов по окончании ВУЗов связи. Я – Ташкентского института, он – Куйбышевского. Но в отличие от меня – присланного по распределению и совершенно нового в Синегорске человека – у Виктора Анатольевича отец был директором местного совхоза «Томский» Энбекского района. Он был хорошо знаком с начальником Областного производственно-технического управления связи (ОПТУС) Глушко Степаном Иосифовичем. Этот фактор сработал, и естественно, – Виктора Анатольевича сразу же назначили на вакантное место – главным инженером ЭТУС.

Я же, с такими же начальными данными, прибывший по распределению в ЭТУС на два месяца раньше Мирославцева, был назначен инженером группы техпомощи.

При назначении произошёл казус. Дело в том, что как раз перед моим приходом уволился действующий главный инженер. Причины не знаю, но уволился как раз в канун, когда занесло меня в ЭТУС – первого с высшим образованием, дипломированного специалиста на этом предприятии. А он за плечами имел только ПТУ...

Начальник ЭТУС Семенов Алексей Николаевич, принял меня более чем приветливо. И тут же предложил, без обиняков, вступить в освободившуюся должность.

Я растерялся от неожиданности. Только что окончил институт, прибыл по распределению на предприятие и сразу – главный инженер! Очень заманчиво...

Хватило ума попросить времени – денёк подумать. Посоветоваться можно было только с тестем, работающим в местных энергосетях инженером-электриком. Тесть долго-долго пристально вглядывался в меня, мялся, видно боясь обидеть, потом все-таки изрёк

– Ну, не знаю... Виктор, тебе решать! А вообще, – как ты людьми командовать будешь, обладая только теоретическими знаниями? Сам подумай...

Действительно, связистский опыт у меня был лишь стройотрядовский. Довелось телефонизировать совхоз в Алтайском крае – полностью, с нуля построить там внутрипроизводственную телефонную сеть. По опорам научился лазать, как заправский монтер, арматурой их осна-

щал, провода подвешивал, регулировал и завязывал. Основательно, на практике, вбил в себя, что такое воздушные линии связи, и с чем их едят. И хотя воздушных линий связи – тоже, навалом в ЭТУС, но знать только их – маловато для главного инженера. Я решил отказаться.

Утром, подготовил нужные аргументы и слова, волнуясь, вошёл в кабинет к Семенову и открыл, было, рот, но он меня опередил.

– Я вчера немного поторопился, Виктор Васильевич, (с первого знакомства и всегда, в последующем, он меня – тогда двадцатитрехлетнего юнца, только по имени-отчеству и называл). Я разговаривал о вашем назначении с начальником Областного управления связи Глушко. Он не поддержал моё предложение, сказал, что уже имеется кандидат на должность главного инженера – и не сегодня-завтра, он тоже – появится у нас и приступит к работе.

Чувствовалось, Алексею Николаевичу несколько неловко, но он решительно развязывал ситуацию так, как она сложилась. Мне, тоже, было очень неловко, хотя я твёрдо намеревался отказаться. И все-таки, стояло перед глазами – вот, согласился бы я, и мне – такой отлуп... Стыдоба-то, какая могла получиться!.. Лицо у меня горело.

Я поторопился разрядить обстановку озвучив своё решение, что лучше мне все-таки, пока, поработать рядовым инженером, поднабраться опыта, а должности... – должности от меня не убегут...

Два месяца, после того казуса, успел проработать старшим инженером группы технической помощи, и вот, он прибыл – новый главный инженер – Мирославцев Виктор Анатольевич.

Не сложилось работа у Мирославцева с начальником ЭТУС – Семеновым Алексеем Николаевичем.

Семенов сразу отметил, что Мирославцев, тоже, прибыл без практических навыков работы, что само по себе, наверное, не было большой бедой. Но Семенов быстро уловил главное – при наличии непочатого края работ и массы возможностей, применить свои знания и силы – обнаружилось отсутствие у Виктора Анатольевича желания эти навыки получать и совершенствовать. Мирославцев продемонстрировал кабинетный стиль работы, что было совершенно неприемлемым в условиях ЭТУС, и по существу – помощником для Семенова, очень беспокойного и ответственного руководителя, он не стал. Да и я, общаясь с Мирославцевым, видел, что сфера действия ЭТУС как-то не привлекала Виктора Анатольевича, (ведь, сплошные командировки, пропадание в сельских районах в пределах всей области) и при подвернувшемся случае, с подачи своего покровителя – Глушко, он, спустя полтора года, перевёлся на более высокую должность. На Телеграфно-телефонную станцию – начальником.

Я же за это время, год отработав в группе технической помощи, не разочаровал Семенова. Через год он перевёл меня на должность заместителя начальника по хозяйственным вопросам. Но с условием, что по-прежнему, буду заниматься и техническими делами. А потом, с уходом Мирославцева, уже с уверенной осознанностью, с подачи Алексея Николаевича, согласился я пойти в главные инженеры...

Принимая участие в качестве приглашённого, на открытых партийных собраниях, на совещаниях, проводившихся Управлением связи, я был осведомлён о состоянии связи, в целом, по области. В адрес связистов областного центра нарастала критика все более и более раздражённая. Невозможно было не заметить, что дела на ТТС, возглавляемой Мирославцевым, стабильно и фатально ухудшались.

Нельзя сказать, что при Викторе Анатольевиче ничего не делалось. Именно во время его руководства Телеграфно-телефонной станцией в городе началось, наконец, серьёзное развитие связи. В 1978 году, была введена координатная подстанция ПСК на 1000 номеров в западной части города. По завершению строительства телефонной сети заполнялась ёмкость введённой в 1976 году декадно-шаговой АТС-7, – в Юбилейном микрорайоне.

Однако качество работы телефонной связи в городе становилось все хуже и хуже. Вместе с приростом новых мощностей, как снежный ком, увеличивалось количество неработающих в городе телефонов.

Мирославцев продержался в должности начальника ТТС чуть более трёх лет и, по настоянию обкома и горкома партии, был снят с работы, уволился из органов связи и перешёл трудиться к энергетикам.

Коллектив возглавил опытный, очень долгие годы работающий вместе с Селиным в Городском узле связи, и ныне действующий, главный инженер – Чернявский Константин Егорович. Но и он продержался недолго, положения выправить не сумел, и тоже, был снят с должности начальника и переведён обратно в главные инженеры. Именно на него, как на главного инженера ещё со времён ГУС, пытались повесить основную ответственность за развал работы городской телефонной сети. Хотя, надо признать, что в то время, когда он работал в тандеме с Селиным – сеть в городе работала неплохо.

Очередным начальником ТТС был назначен Ковалёв Пётр Романович. До назначения он возглавлял цех телеграфа. Дельный руководитель, парторг предприятия по совместительству, человек, бывший на хорошем счету у руководства связи области.

Пётр Романович проработал в должности более четырёх лет. Чернявский с ним срабататься не сумел и по собственной инициативе уволился – совсем ушёл из связи в строительную организацию.

В период руководства Ковалёва городской связью она продолжала развиваться. Была построена и введена в эксплуатацию координатная АТС-4 ёмкостью 2000 номеров в центре города. Благодаря пришедшему на место Чернявского молодому, цепкому главному инженеру Макарычеву Александру Николаевичу, начала строиться и развиваться бывшая в зачаточном состоянии телефонная канализация города, стало больше устанавливаться телефонов у горожан.

Однако, главная проблема ТТС – проблема качества работы сети так и не была решена. Наоборот, она по-прежнему, усугублялась. Уже не было и Чернявского, в адрес, которого, по инерции, металась все шишки, но это не помогало. В вопросах улучшения связи в городе, по-прежнему, царил безысходность. И снова лопнуло терпение у властей. Пришло время, и Петра Романовича, тоже, постигла участь Мирославцева и Чернявского.

Вот на такое предприятие буквально втиснул меня Андрей Алексеевич. Уже позже осмысливая происшедшее, я узнал, что предлагалась эта работа и Грачеву, и Макарычеву, однако, они эту ношу взвалить на себя не решились. Как оказалось впоследствии – Грачев, после моего перевода, не решился взвалить на себя и ношу ЭТУС.

Ну а мне вроде бы и деваться было некуда. В ЭТУС для меня место как бы было «заказано». До сих пор не знаю – то ли это был точный расчёт Фенина, то ли просто стечение обстоятельств – но дело Андрей Алексеевич обыграл чётко. Вот тут и дошло до меня, брошенное им несколько месяцев назад, замечание

– Пока поработаете главным инженером...

Решение о переброске меня на ТТС Фениным было принято уже тогда. Но сказать мне об этом сразу он не решился – я ещё должен был пройти проверку на лояльность в соответствующих органах. И вот теперь, похоже, пришёл положительный результат.

И все-таки, как-то нехорошо по отношению ко мне всё решалось. Скольких нервов стоила эта непонятная неопределённость. Ну, сказал бы честно о намерениях, и даже, если бы что-то не получилось – я бы понял. Но не таков был Андрей Алексеевич. Внутренние переживания подчинённых его не особенно волновали.

– Кому сдадите дела – спросил Фенин.

– Как кому? – Грачеву...

– Нет, Грачев что-то никак не решится. Сдайте пока дела Жамбутинову Байдену Байгошевичу – начальнику Рыбинского цеха. Сами, сразу после Нового года приступите к работе на новом месте.

Вот так скоропалительно я распрощался с Эксплуатационно—техническим узлом связи. С предприятием, где провёл десять очень динамичных, насыщенных интереснейшей работой лет. Предприятием, на котором рассчитывал ещё долго работать, – но не судьба.

Зашёл напоследок к моему наставнику, моему опекуну, человеку на которого старался стать похожим – личным примером показывавшему отношение к работе, к людям, у которого я научился очень многим полезным и ценным вещам – к Семенову Алексею Николаевичу. Рассказал о свалившейся на меня ноше.

Алексей Николаевич сочувствовать не стал. Одобрил решение и сказал

– Виктор Васильевич, – конечно из вас получился бы прекрасный мой преемник. Но по большому счету, в рамках ЭТУС, вам было бы тесновато. А Телеграфно-телефонная станция – корабль большой, очень большой – но вы с ним обязательно справитесь.

Глава 3. Вступление в должность

Новый год прошёл как в тумане и вот 3 января 1986 года в сопровождении главного инженера областного ПТУС Искандерова Амантая Искандеровича я впервые появился в кабинете начальника ТТС.

Пётр Романович, ожидавший нас, освободил место, пригласил в кабинет руководителей подразделений. В их присутствии Амантай Искандерович зачитал приказ о моем назначении, в коротком выступлении выразил надежду, что дела на ТТС стабилизируются, предложил мне переместиться в кресло начальника и начать командовать.

Я – сел. Кресло было удобным, мягким. С подлокотниками, с высокой, красного цвета, бросающейся в глаза спинкой, обшитой то ли дерматином, то ли кожзаменителем. Ковалёв проследил за мной и произнёс криво усмехнувшись

– Горячее кресло, горячее...

Я не придал его словам значения.

Особо нечего было говорить. Меня окружали практически незнакомые люди. Нет, в лицо я их знал, кое-что слышал о них, вежливо здоровался с ними при встрече, но, ни по каким вопросам, ранее, с ними не соприкасался. Незначительное исключение составлял главный инженер – Макарычев, с которым я немножко сталкивался по вопросам эксплуатации между-городных сетей.

Командовать было рано, но сказать несколько слов было просто необходимо.

Я выразил уверенность, что совместными усилиями положение на предприятии будет поправлено, больше не нашёл, что сказать, попросил задержаться Ковалёва, и распустил приглашённых на первое знакомство людей. Так начался самый сложный этап в моей жизни.

После ухода Искандерова я остался наедине с Петром Романовичем, и он кратко, не вдаваясь в подробности, ввёл меня в курс дел. Обозначил наиболее сложные проблемы, сообщил, что уже решён вопрос о его возвращении на должность начальника телеграфного цеха и пообещал мне поддержку. Однако, по выражению его унылого лица я понял, что это только дань вежливости, а вообще-то он мне сочувствует, и уверен, что ничего хорошего в будущем на этом месте меня не ждёт. По уходу Ковалёва я остался один и огляделся.

Кабинет был оформлен очень просто, но был светлым и удобным. Единственную «роскошь» составлял стоявший в углу цветной телевизор – «Горизонт». Настойчиво звонил телефон, но я не решился поднимать трубку, переключил его на секретаршу и попросил пока меня, ни кем не соединять.

По прямой связи позвонил Андрей Алексеевич и сообщил, что ему необходимо представить меня высоким областным и городским руководителям. Я в принципе был готов, и мы начали обход.

Начали с областного комитета партии. Я впервые был в подобном учреждении и неприятно удивился изменившемуся, вдруг, поведению Фенина. Он как-то сжался, подобрался, его лицо приняло выражение сосредоточенной покорности. Зная мой независимый характер, он заранее предупредил и меня – быть максимально сдержанным.

Мы ходили по приёмным, и я был представлен по очереди заместителю первого секретаря обкома партии курирующему промышленность и связь, председателю облисполкома и почему-то, – председателю областной партийной комиссии. На меня поглядывали с интересом, вежливо жали руку и практически все, обращаясь к Андрею Алексеевичу, тут же, выдвигали требования по срочному восстановлению работы такого-то номера телефона, либо, по срочной установке телефона тому, или иному лицу. Фенин покорно и как-то обречённо обещал... Процедура знакомства с учётом ожиданий в приёмных заняла почти полдня.

После обеда в таком же ритме мы посетили городской комитет партии и горисполком. Я так же был представлен первому секретарю горкома, председателю горисполкома, а также председателю городской партийной комиссии и председателю городского комитета народного контроля. Претензии на работу связи сыпались и здесь.

На мои сомнения в необходимости столь оперативного знакомства с чиновниками – Андрей Алексеевич заявил, что это – всё, моё, теперь, непосредственное начальство и с ним мне предстоит плотно работать, буквально, с первого дня.

Это явилось полной неожиданностью. На месте прежней работы моими непосредственными начальниками были, по большей части, не более двух человек. А здесь, с учётом аппарата управления связи, с учётом руководителей отделов, курирующих связь в горкоме и горисполкоме, их набиралась «целая дюжина».

– Посмотрим, что будет дальше – подумал я.

День практически ушёл на знакомства. На завтра оставалось посещение Комитета государственной безопасности...

Вечером, перебирая события дня, отметил для себя, что никто из моих новых знакомых не упоминал при встрече о работе междугородной, телеграфной связи, о работе радиоузла и коммутатора – все говорили о плохой работе городских телефонов.

Наиболее слабое место в работе Телеграфно-телефонной станции обозначилось с первого дня чётко, зримо и определённо.

– Ничего, по этой части у меня наработан неплохой опыт – успокоил себя. Завтра начну разговаривать со специалистами. Вникну в проблемы... – что-нибудь придумаем.

Глава 4. Кадровые сюрпризы

Наступило завтра. Я живу во вновь построенном микрорайоне, удалённом от нового места работы на расстоянии около пяти километров. Встаю рано – и предпочитаю на работу ходить пешком. Как правило, без четверти восемь – уже нахожусь в кабинете.

Ходьба в хорошем темпе бодрит и настраивает на энергичную работу. В ходе прогулки неплохо обдумываются планы на предстоящий день. Пока, в связи со сменой работы, были лишь ощущения особой новизны внутреннего состояния. Особых планов не было.

У входа в кабинет меня ждал Висящев Александр Дмитриевич – начальник цеха городской телефонной сети (ГТС). Объективные характеристики ключевых работников Телеграфно-телефонной станции я имел от своей жены, работающей на этом предприятии с 1974 года, после окончания института, в цехе междугородной телефонной связи. Очень активный, болеющий за дело человек – она хорошо знакома с работниками среднего звена управления, мы имеем единые взгляды на жизнь, и я безоговорочно доверяю её оценкам.

Правда, уже более двух лет, она находится в декретном отпуске. У нас, наконец, после десятилетнего ожидания появилась дочь – Оленька, и по счастливому стечению обстоятельств, – скоро должен будет появиться и второй ребёнок. Конечно – Ромалия, Рома, моя Ромашка, – немного отстала от производственной жизни, но людей, с которыми мне теперь придётся работать, знает достаточно хорошо. Она охарактеризовала Александра Дмитриевича как в высшей степени ответственного порядочного человека, очень разумного и исполнительного. Но вот почему дела у него не клеились, конечно, пояснить не могла.

Дал характеристику Висящеву и Ковалёв. В его представлении Висящев был вялым слабохарактерным человеком, – попросту, – размазней...

Какие противоположные характеристики, – я был заинтригован...

– Ну вот, очень кстати и вы, – поприветствовал Висящева и пригласил его в кабинет.

Присели...

Первое что сделал Александр Дмитриевич, – протянул мне лист бумаги. Это было заявление об уходе.

Я опешил. Вот это удар! Просто не находил слов.

Помолчали...

– Александр Дмитриевич, – наконец, обретя дар речи, тщательно подбирая слова, начал я говорить, – почему такое решение? Ведь мы с вами не проработали ещё и дня. Я не пришёл с целью – сделать хуже людям, в том числе и вам. У меня нет команды, у меня нет людей, которых я мог бы привести с собой. Мне просто неоткуда их взять... ЭТУС, откуда меня сюда направили, тоже, испытывает большой недостаток квалифицированных специалистов. Я просто не могу их перетягивать на ТТС. Не в моих правилах делать плохо предприятию, которому я отдал десять лет. Честно признаюсь, я рассчитываю только на вас, – специалистов работающих на ТТС, – ныне работающих.

Лицо Висящева было непроницаемым. Чувствовалось, что он мне просто элементарно не доверяет. Он, конечно, знал, что обо мне как о специалисте сложилась очень неплохая репутация в среде связистов. Но он, в отличие от меня, чётко понимал разницу между работой в ЭТУС и на ТТС, и в отличие от меня, понимал, что методы работы, дающие хорошие результаты там, совершенно неприемлемы на ТТС.

Все же, по ходу того, как продолжал говорить, наверное, чем-то я его, все-таки, тронул. Лицо Висящева, угрюмое и замкнутое, начало светлеть, в глазах появился насмешливый блеск. Он явно принимал меня за наивного чудака. И вдруг, его прорвало.

– Виктор Васильевич – начал он, – вы просто совершенно не представляете, куда попали... Говорил внешне спокойно, старался сдерживаться, но чувствовалось, что его переполняют эмоции. Его внутреннее состояние выдавал голос, слегка дрожащий.

Я, молча, слушал. Постепенно Александр Дмитриевич успокаивался, его речь упорядочилась, и из его рассказа передо мной открывалась довольно неожиданная картина положения дел в цехе.

После выделения ТТС в самостоятельное предприятие и ухода начальника цеха Фурсенко на Почтамт, его место стали занимать случайные люди, которые также как и начальники предприятия, долго не задерживались. Последним, до Висящева, начальником был некто Обухов, перешедший к Ковалёву на ТТС после крупного скандала, связанного с какими-то махинациями в ТУСМ-3, региональном, располагавшемся в Синегорске предприятии, по обслуживанию первичной сети связи, откуда его уволиться, мягко говоря – попросили.

Более радеющий о своих интересах, Обухов привнёс значительную долю анархии, хаоса и беспорядочности в организацию труда линейно-кабельной службы областного центра. Обладавший незаурядным характером, радеющий только о себе, он сумел проводить на ГТС выгодную для себя линию. Внешне демонстрировал бурную, даже кипучую, деятельность, внутренне совершенно не был заинтересован в качестве выполняемой его подчинёнными работе. Именно из низкого качества работы сети он учил своих подчинённых извлекать выгоду для себя и для них.

Поздно разгадал Пётр Романович политику Обухова, а разгадав, все равно, сладить с Обуховым не смог. Когда обстановка в городе со связью, в очередной раз, существенно накалилась и кресло под Ковалёвым зашаталось, – он попытался решительно взять в руки ситуацию. Но было поздно. Разразился скандал.

А в это время завершалось строительство на территории Синегорской области крупного нефтепровода Петропавловск – Синегорск – Целиноград. С целью обеспечения его бесперебойной телефонной связью, вдоль нитки был проложен магистральный четырехчетверочный кабель, уплотнённый достаточно мощным, сложным каналобразующим оборудованием. Для его обслуживания и содержания образовывалась специальная служба связи при нефтепроводе. Был объявлен набор специалистов, которым была обещана более высокая зарплата, чем у связистов города.

Обухов очень оперативно воспользовался ситуацией и перешёл на работу к нефтяникам – начальником вновь образовавшейся службы связи.

Будучи человеком циничным и беспринципным – он быстро перетянул к себе на работу всех наиболее квалифицированных кабельщиков цеха ГТС.

На Телеграфно-телефонной станции образовался вакуум наиболее востребованных специалистов. Обстановка катастрофически накалилась.

Ковалёв предпринимал лихорадочные меры по исправлению ситуации – срочно искал нового начальника в стремительно разваливавшийся цех. Желающих – не было.

На чрезвычайном партийном собрании коммуниста Висящева и обязали, хотя бы временно, возглавить цех. В силу своей порядочности Александр Дмитриевич не смог отказаться. И добросовестно пытался что-то сделать для исправления ситуации. Однако, слишком велика была инерция развала, и ситуация катилась по наклонной.

По сути дела, городу реально грозил паралич связи. После сырой и дождливой осени 1985 года резко возросло количество повреждённых линий в областном центре. Областное и городское начальство требовало от Ковалёва оперативного устранения повреждений на наиболее важных для обеспечения нормальной управляемости городом, по их мнению, телефонных номерах.

Пётр Романович не нашёл иного способа как полностью пойти на поводу у властей. Старался любыми путями выполнить их поручения, очень часто, в противоречии с интересами предприятия, за которое он нёс ответственность, и даже, вопреки здравому смыслу.

Лично, после очередного вызова в горком, горисполком, спустился в цех ГТС, ломал все намеченные планы руководства цеха и направлял оставшихся в цехе людей на исполнение только что полученного нового задания. Любой ценой! По принципу, – лишь бы сегодня телефон, который потребовали власти срочно восстановить – заработал.

Ни о какой профессиональной, планомерной работе в таких условиях не могло быть и речи. Собственно случилось так, что начальник цеха ГТС, – не важно, что он недавно пришёл на работу, – у импульсивного начальника сразу же стал исполнять роль мальчика для битья. Тем более что попытался проводимой политике Ковалёва – возражать.

Кто долго может мириться с ролью мальчика для битья? Безработных в стране нет. Выхода из сложившегося положения Александр Дмитриевич тоже не видел, а с учётом того, что был болен, – страдал пороком сердца, он и принял решение – уйти.

Пар был выпущен. Я расспросил его о людях, оставшихся в цехе, об их профессиональной подготовке, и как бы, между прочим, поинтересовался

– А что, Александр Дмитриевич... Если бы вам была предоставлена возможность, самостоятельно решать только технические вопросы эксплуатации линейно-кабельного хозяйства, если бы вы были ограждены от звонков со стороны властей, мешающих выполнению прямой вашей работы? Смогли бы, хоть немного, оздоровить обстановку?

Висящев, не задумываясь, ответил, что это было бы возможно.

– Только это абсолютно нереально, – с горечью, тут же, продолжил он.

– А если я все-таки создам вам такие условия?

– Он просто рассмеялся в ответ...

В конечном итоге, я сумел его, все-таки, уговорить на то, чтобы он на месяц остался со мной поработать, и твёрдо пообещал, что если не сдержу слово, его отпустить.

На том пока и порешили.

После ухода Висящева я просмотрел сводку о количестве телефонов неработающих на сети из-за кабельных повреждений. Их было **565**.

От общего количества имеющихся **11995** телефонов в городе – неработающие составляли **4,7%**.

Конечно, это нельзя было назвать ещё параличом связи – но по существу, такое количество повреждений было просто недопустимым.

Начал звонить телефон. Все звонившие просили, скорее устранить повреждения на их телефонных линиях. Просили – это мягко сказано, чаще – требовали! И все это выражалось в длинных монологах, основную суть которых составляли причины обосновывающие необходимость срочного восстановления работы именно их телефона, и, конечно же, угрозы, в случае неприятия мер, жаловаться в органы власти.

Я попытался отсылать их на бюро ремонта. Нет! Они хотели иметь дело только с начальником!

Сосредоточиться практически не было возможности. Записывать их заявки не имело смысла, – я чувствовал, что все равно, их выполнить не смогу.

Следующим, – поговорить, явился Макарычев Александр Николаевич – главный инженер. Впервые я познакомился с ним в далёком 1974 году. Он был в то время начальником цеха МТС – междугородной телефонной станции. Я проходил в его цехе практику по окончании четвёртого курса института. Затем, работая в ЭТУС, иногда сталкивался с ним при решении вопросов приёмки в эксплуатацию нового оборудования междугородных линий.

И вот, теперь он – главный инженер, и идёт мне в подчинение. У меня имелось впечатление о нем как о хитроватом, себе на уме, человеке. Он лет на пять старше меня, довольно амбициозен. Его старший брат работает начальником отдела электросвязи в областном управлении. Макарычев, безусловно, технически грамотный специалист – специалист по станционному оборудованию. Но вот умеет ли он работать на сети...

С места в карьер Александр Николаевич, второй после Висящева, тоже, попытался завести разговор о своём уходе с должности.

Это было уже слишком! Я не стал развивать эту тему, очень решительно высказав, что не желаю и слушать об этом.

Похоже, это была просто проверка меня на прочность, Макарычев, безусловно, не мог не знать о заявлении Висящева. Чувствовалось, что он тоже «накушался» руководящей работы. Но вероятно ему, – амбициозному человеку, просто стыдно и неудобно расписаться передо мной, бывшим его практикантом, в своём собственном бессилии. Тем более, что весомых аргументов в пользу своего ухода он привести не мог.

Поговорили о методах управления предприятием. На Телеграфно-телефонной станции есть много места для приложения сил, и Александр Николаевич высказал пожелание, чтобы я, как выходец из ЭТУС-а и имевший большой опыт работы с линиями связи, начал курировать цех ГТС – полностью освободив его от этого участка работы. Он же, в свою очередь, будет курировать другие – высокотехнологичные, по степени оснащения современной электронной техникой, стоявшие на более высоком уровне, чем ГТС – цеха. Я не доставил ему этого удовольствия, и ещё немного поломавшись для видимости, Александр Николаевич, наконец, приступил к действительно деловому разговору:

– Завершился 1985 год. Буквально в ближайшее время нам нужно провести общее собрание коллектива по итогам года – начал он.

– Вот и займитесь этим – тут же, дал первое задание я Макарычеву. Мне требуется время, чтобы войти в курс дела. Год завершали Вы – Вам и выступать! Готовьте доклад.

Конечно, это было непривычно для Александра Николаевича. По всем канонам, новый начальник должен сразу брать «быка за рога». Изложение новым начальником, своей программы на общем собрании, – тем более годовом – органично бы вписывалось в сценарий вступления в должность. Можно было обрушиться с жесточайшей критикой в адрес бывшего руководства, и через ЭТО – «продемонстрировать характер».

В моих мыслях не было – это делать. Я просто решил, как бы со стороны понаблюдать за сложившейся атмосферой взаимоотношений в коллективе, не раскрывая своих карт. Да их у меня просто и не было. Требовалось, по мере возможности, прочувствовать производственную атмосферу. Высказывать новые революционные идеи я пока не был готов.

На собрании должен быть присутствовать Фенин. Позвонив ему, я сообщил о принятом решении. Против выступления с главным докладом Макарычева – он не возражал.

Глава 5. Первые поручения

Вошла секретарь приёмной с документами «на подпись». Она сообщила, что на десять часов меня приглашают в горком, а на два часа дня в горисполком – на совещания. Посмотрев на часы – увидел, что уже надо бежать. Благо, что ТТС находится прямо в центре города, на центральной площади и ходьбы, практически до всех учреждений власти, требуется не более трёх – пяти минут.

Совещания в горкоме не было. В приёмной находился один из руководителей теплоснабжающей организации города и всё. Сообщив о нашем прибытии, секретарша пригласила нас в кабинет первого секретаря горкома партии Дымченко Александра Сергеевича.

Первый секретарь встал из-за рабочего стола, и, выйдя нам навстречу, поздоровался за руку. Его пожатие было крепким и энергичным. Это был человек моего возраста из новой волны руководителей, которых все интенсивнее выдвигает начинавшаяся Перестройка.

Худощавый, приятное лицо, сильный волевой подбородок, приподнято бодрый басисто гортанный голос. Сурово нахмуренный взгляд под густыми бровями, и какая-то, остро чувствовавшаяся, властность буквально сквозила из этого человека. Походка его была медленная, движения даже вальяжные, и в то же время, чувствовалось, что это очень решительный человек. Я уже успел узнать, что за глаза его называют «Павка Корчагин».

Я до настоящего времени практически не бывал во властных партийных кабинетах. Атмосфера, царившая в них, была для меня нова – какая-то напряжённая, суровая, необычная и неожиданная. Я чувствовал некоторую робость и скованность.

Александр Сергеевич представил меня вошедшему вместе со мной руководителю, предложил присесть, – и сразу перешёл к делу.

Мне было дано задание – одному из специалистов-тепловиков срочно поставить телефон на квартире. Составивший мне компанию руководитель назвал фамилию и адрес проживания этого человека. Начальник промышленно-транспортного отдела городского комитета, присутствовавший при разговоре, тут же, зафиксировал задание в своём ежедневнике.

– Когда исполните? – спросил Дымченко.

В моей натуре нет манеры, говорить наобум. По сложившейся практике, я очень тяжело даю обещания, а если и даю – то – продуманные и проработанные. И практически всегда, их выполняю. Это – школа Семенова Алексея Николаевича.

В голове мгновенно прокрутились вопросы, от ответа на которые зависело принятие решения: – наличие заявления на установку телефона... очерёдность в доме... наличие, наконец, технической возможности...

Ни на один из них ответа не высветилось.

– Срок указать не могу. Надо изучить ситуацию – ответил я.

– Завтра вечером доложите об исполнении, – отрезал секретарь. И продолжил

– В городе связь не работает, а вы с Фениным мер никаких не принимаете... Сколько это будет ещё продолжаться?..

Чувствовалась наезженная колея в его монологе. Во мне начало расти чувство протеста, но я смолчал.

Вернувшись на ТТС, у Висящева уточнил возможности по исполнению задания. Естественно, никаких шансов на установку телефона по указанному адресу не было.

Из информации Висящева следовало, что установка телефона по заданному секретарём адресу, требует серьёзной проработки, значительной затраты материалов. Ведь дом сейчас просто не телефонизирован, не подтянуты к нему телефонные кабели и его телефонизация не представляется возможной без трудоёмких инженерных работ.

– Но, вообще-то, мы выполним ваше задание, если вы прикажете, – уныло и с ехидцей в голосе добавил он.

– Это как? – растерялся я.

– А, неподалёку, на расстоянии около 150-ти метров, имеется дом телефонизированный. Правда, там нет свободных линий, но мы можем у одного из абонентов телефон выключить, перебросить его номер на повреждение, – а освободившуюся линию продлить «воздушкой» с крыши, на крышу проблемного дома, и использовать её для новой установки.

– И как долго мы будем устранять искусственно сделанное повреждение?

– В лучшем случае, сможем устранить не ранее чем через полгода.

– И как часто вы устанавливаете, таким образом, телефоны?

– В последнее время все чаще и чаще – сознался Александр Дмитриевич.

– Ну, нет, – больше мы так ставить телефоны не будем! – решительно произнёс я.

– Виктор Васильевич – не связывайтесь! Вас все равно заставят... – пожалел меня Висящев.

Он, конечно, был мудрее меня, был старше меня – лет на семь, – а это многое значит. Я почему-то с первого разговора почувствовал симпатию к этому человеку и был склонен прислушиваться к его советам. Но в данной ситуации «совет» Висящева был неприемлем.

– Нет Александр Дмитриевич – установка телефона пока потерпит – ещё раз подтвердил я своё решение и закончил разговор.

Наспех пообедав в ближайшей столовой – к двум часам, побежал в горисполком.

В приёмной председателя собирались люди. Их было около десяти человек. Это были руководители, имеющие отношение к отоплению и водоснабжению города.

Совещание началось. Председатель горисполкома привычно заслушивал информацию от приглашённых, о состоянии дел в городе с отоплением. По мере выступлений руководителей – заострял внимание на проблемных вопросах, в ходе обсуждения, из присутствующих на совещании, назначал исполнителей и давал распоряжения по их решению.

Я сразу отметил, что почти каждый третий из отчитывающихся, в качестве первой причины неисполнения того или иного задания, выдвигает отсутствие телефонной связи. Нет, мол, её либо на квартире у ОЧЕНЬ нужного ему работника, либо в определённой точке обслуживаемого объекта. А как без связи?

Было очень неприятно это выслушивать. На меня тут же сыпался поток поручений. И опять, – сроки исполнения, фиксирующиеся в протоколе. Завтра!.. Немедленно!.. Завтра...

Я же из утренней встречи у Дымченко, а также из разговора с Висящевым уже точно знал, что эти требования, эти задания – тоже, из категории неисполнимых. По крайней мере – в ближайшее время. От осознания этого настроение испортилось основательно.

Совещание растянулось до пяти часов вечера. Удручённый, я возвращался в кабинет.

Начало января – самые короткие дни. Смеркается рано. Подумалось, – если бы было лето, – можно было бы организовать работу линейной службы после работы, – дотемна. Зимой же, да ещё в это время, темнота наступает уже в рабочее время, а в темноте много не поработаешь.

На шесть часов пригласил к себе Макарычева и Висящева. Предложил, с целью координации действий по исправлению положения, ежедневно, по окончании работы, в половине седьмого, собираться в моем кабинете всем руководителям подразделений и служб, от которых зависит ход дел.

После обсуждения понял, что эффективнее будет – если мы будем собираться только втроём.

Александр Николаевич опять попытался выразить сомнения в необходимости своего присутствия на этих сборах. Настырный...

Максимально в деликатной форме, стараясь, ни в коем случае не дать ему повода для обиды, за которым мог бы немедленно последовать демарш на уход с работы по собственному желанию, но все-таки, достаточно твёрдо, я настоял на своём и убедил его оставить эту тему. Дал понять, что его советы и поддержка для меня очень важны. И уже обращаясь к обоим, попросил их обдумать предложения, принятие и выполнение которых сможет улучшить обстановку на сети. С этим и разошлись.

Глава 6. Жёсткий, бесцеремонный пресс

Следующий день принёс очередные неприятности. Я был вызван в областной комитет народного контроля. Почему-то напрямую, – хотя фактически ТТС не являлась областной организацией, там меня в жёсткой форме отчитали за то, что до настоящего времени не выполнено обещание на установку телефона одному из жителей города, ветерану войны, написавшему по этому поводу жалобу в их ведомство.

Я предварительно уже знал суть вопроса и опять видел, что данное моим предшественником обещание невыполнимо, и довольно—таки прямолинейно отказался в обозримое время производить эту установку, – как не подкреплённую техническими ресурсами.

Получил сполна! Мне в бесцеремонной и грубой форме указали, что я не справляюсь со своими обязанностями. Я наивно попытался объяснить, что ещё только вхожу в курс дела, и что не успел ещё внести свой вклад в плохую работу ТТС. И тут же, получил второй – циничный, грубый и жестокий удар:

– Вы являетесь начальником ТТС! И вы, – со дня вступления в должность, несёте полную ответственность за то, что на ней или произошло, или происходит! И совсем не важно, что «что-то» там случилась до вас! Именно с вас, – теперь, будет учиняться жесточайший спрос по всем вопросам, касающимся работы связи в городе!

В душе я понимал, что председатель Комитета, по сути, – прав. Но то, с какой жёсткостью это было преподнесено, вызвало во мне глубокий внутренний протест. И я упрямо подтвердил, что выполнять обещание, данное не мной – не буду!!..

– Чтобы сегодня же принесли письменное объяснение по сути отказа, – раздражённо бросил председатель и дал понять, что разговор окончен.

Должен сделать маленькое отступление. Мне очень повезло с моим первым руководителем – начальником ЭТУС – Семеновым Алексеем Николаевичем. Я начал у него работать по окончании института, имея за плечами только голые теоретические знания. Пришлось полностью самостоятельно учиться – как применять на практике эти знания.

Многое сразу не получалось, но Алексей Николаевич очень бережно и деликатно интересовался причинами неудач, построил наши взаимоотношения так, что я ему выкладывал без утайки все свои трудности сомнения и ошибки. Он ни разу меня не упрекнул за мои, – в первое время, не очень продуктивные результаты.

Он не мог мне ничего сообщить о технических решениях касающихся настройки и устранения повреждений на сельской аппаратуре связи, – именно этими вопросами я занимался у него первый год в ранге старшего инженера группы технической помощи. Но он меня успокаивал, подбадривал, увеличивал сроки, и никогда не позволял бросать начатую работу.

Справедливости ради надо сказать, что Алексею Николаевичу перепоручать эту работу просто было некому. Давал мне столько времени, сколько требовалось, чтобы её завершить.

Но как он радовался со мной каждому моему успеху! Ради этих минут общей, неподдельной, его и своей радости, я готов был работать сутками! И работал! Отдача от работы возрастала с каждым днём и очень даже хорошими темпами.

Откровенно говоря, с приходом на ТТС я очень рассчитывал на аналогичную поддержку. Особенно – от горкома партии. И вот, буквально с первых шагов, должен был констатировать, что жестоко просчитался.

Оказалось, что я как собачонка, едва умеющая плавать, был брошен в совершенно незнакомый, очень крупный водоворот. И только от меня самого зависело – утону я, или сумею все-таки, удержаться на плаву, выплыть. И времени, учиться плавать, у меня практически не было. Подтверждения этого вывода увеличивались по нарастающей, с каждым днём.

Меня уже разыскивал начальник промышленно транспортного отдела горкома партии Волнянский Анатолий Никифорович, и – конечно же, по исполнению поручения вчера данного первым секретарём. Назидательным тоном он пытался вбить в мою неразумную голову мысль, что личные поручения, данные руководителями такого ранга, не обсуждаются, а исполняются беспрекословно, максимально быстро и любой ценой.

Но я тоже имел свои взгляды на жизнь. Взгляды – почерпнутые из книжек, замешанные на обострённом чувстве справедливости, приоритете разумной логики, и честного партнёрства взаимодействующих сторон.

Нутром чувствовал, что совершенно не решит установка телефона Дымченковскому «протеже» «глобальных» проблем с отоплением города.

Твёрдо знал, как нас учили, что обеспечение связью объекта – это в первую очередь, – ответственность руководителя этого объекта, и что отрасль «связь» ПОМОГАЕТ этому руководителю ЕГО проблемы решать. Что работники связи, конечно, тоже, несут свою долю ответственности за состояние связи и обеспечение связью объекта, но в рамках строго очерченных правил.

В детстве я мечтал быть военным. Много прочёл литературы на военную тему и был в курсе того, что особенно в первые месяцы войны, многие связисты были расстреляны. По той простой причине, что «на ненадлежащее обеспечение боевых действий оперативной связью» очень легко, в условиях хаоса и общей неразберихи, можно было повесить на них «всех собак». Желавших было много. Всегда беспроигрышно можно было выставить «отсутствие связи» – в качестве главной причины неудачного претворения в жизнь «гениальных планов» их командиров. А связист – вот он, рядом...

О труде связистов на войне...

Из романа В. Астафьева «Прокляты и убиты...»

...(место действия – плацдарм на реке Днепр).

...Почти все телефонные линии, проложенные с левого берега, умолкли или едва шебуршали. Среди великого развала, хозяйственного разгильдяйства, допущенного в подготовке к войне, хуже, безответственной всего приготовлена связь – собирались же наступать, взять врага на «ура!» и бить его в собственном огороде, гнать, колоть, гусеницами давить – чего ж возиться с какой-то задрипанной связью – вот и явились в поле военные рации устарелого образца в неуклюжем загорбном ящике и с питательными батареями, величиной и весом не уступающими строительному бетонному блоку. Парой таскали рации и питание к ним радисты, но, пока настраивались, пока орали, дули в трубку, согретые за пазухой батареи садились. Уже во время войны до ума доводилась контактная более-менее надёжная рация, однако передовой она почти не достигала, оседая где-то в штабах на более важных, чем передовая, объектах.

Неся огромные потери, фронт с трудом сообщался посредством наземной связи – сереньким, жидким проводочком, заключённым в рыхлую резинку и в ещё более рыхлую матерчатую изоляцию. Пролежавши четыре-пять часов на сырой земле, провод намокал, слабел в телефонах звук, придавленной пичужкой звучала по ним индукция. Товарищи командиры, гневаясь, били трубкой по башкам и без того загнанных, беспощадно выбиваемых связистов, тогда как надо было бить трубкой или чем потяжелее по башке любимого вождя и учителя – это он, невежа и вертопрах, поторопился согнуть в бараний рог отечественную науку и безголово пересадил, уморил в лагерях родную химию, считая что учёные этой науки и без того нахмичили лишка, отчего происходит сплошной вред передовому советскому хозяйству и подрывается мощь любимой армии. Его коллега по другую сторону фронта, не менее мудрый и люби-

мый народом, характером посдержанней, хотя и ефрейтор по уму и званию, прежде чем сажать и посылать в газовые камеры своих мудрых учёных, дал им возможность всласть потрудиться на оборонную промышленность.

Чужеземный, более жёсткий, чем русский, провод заключён в непроницаемую пластмассовую изоляцию – ничего ему ни на земле, ни в воде не делается. Телефонные аппараты у немцев лёгкие, катушки для провода компактные, провод в них не заедает, узлы не застревают. Связисту-фрицу выдавался спецнабор в коробочке – портмоне с замочком, в желобки вложены, в кожаные петельки уцеплены: плоскогубцы-щипчики, кривой ножик, изоляция, складной заземлитель, запасные клеммы, гайки, зажимы, проводочки, гильзочки – назначение их не вдруг и угадывалось. Отважным связистам-Степанам вместо технических средств выдавалось несчётное количество отборнейших матюков, пинков и проклятий. Всю трахомудию, имеющуюся на вооружении у фрица, Степан-связист заменил мужицкой смекалкой: провод зачищал зубами, перерезал его прицельной планкой винтовки или карабина, винтовочный шомпол употреблял вместо заземлителя. Линия связи – узел на узле, ящички телефонных аппаратов перевязаны проволоками, бечёвками, обиты жестяными заплатами.

Уютно осевшие на дно траншеи, бойцы отводят глаза, когда уходят из окопа в разведку ребята. А разведчики одаривают завистливым, напряжённо-горьким, прощальным взглядом остающихся «дома». Так разведчики-то не по одному, чаще всего группой идут на рискованное дело. И сколько славы, почёта на весь фронт и на весь век разведчику. Связист, драный, битый, один-одинёшенек уходит под огонь, в ад, потому как в тихое время связь рвётся редко, и вся награда ему – сбежал на линию и остался жив. «Где шлялся? Почему тебя столько времени не слышно было? Притырился? В воронке лежал?» Словом, как выметнется из окопа связист – исправлять под огнём повреждения на линии, мчится, увёртываясь от смерти, держа провод в кулаке – не до узлов, не до боли ему, потому-то у полевых связистов всегда до костей изорваны ладони, их беспощадно выбивали снайперы, рубило из пулемёта, секло осколками. Опытных связистов на передовой надо искать днём с огнём. От неопытных людей на войне, в первую голову в связи, – только недоразумения в работе, путаница в командах, особенно частая у артиллеристов. По причине худой связи артиллерия наша да и авиация лупили по своим почём зря. Толковый начальник связи должен был толково подбирать не просто боевых, но и на ухо не тугих ребят, способных на ходу, в боях, не только сменить связистское утиль-сырьё на трофейный прибор и провод, но и познать характер командира, приноровиться к нему. Толковый начальник не давал связистам спать, заставлял изолировать, сращивать аккуратно провода, чтоб в горячую минуту не путаться, сматывать нитку к нитке, доглядывать, смазывать, а если потребуется, опять же под огнём, починить, собрать и разобрать телефонный аппарат. Толковый командир связи обязан с ходу распознать и разделить технарей, тех, кто умеет содержать в порядке технику, носиться по линии, и «слушачей» – тех, кто и под обстрелом, и при свирепом настроении отца-командира не теряет присутствия духа, понимает, что пятьдесят пять и шестьдесят пять – цифры не одинаковые, если их перепутаешь, – пушки ударят не туда, куда надо, снаряды могут обрушиться на окопы своей же пехоты, где и без того тошно сидеть под огнём противника, под своим же – того тошнее. Телефонист с ходу должен запомнить позывные командиров, номера и названия подсоединённых к его проводу подразделений, штабов, батальонов, батарей, рот. Кроме того – Бог ему должен подсоблять – различать голоса командиров: терпеть они не могут, особенно командиры высокие, когда их голоса не запоминают с лету, для пользы дела надо телефонисту мгновенно решить – звать или не звать своего командира к телефону, кому ответить сразу: «Есть!», кому сообщить, что товарищ «третий» или «пятый» пошёл оправиться. И всечасно связист должен помнить: в случае драпа никто ему кроме Бога и собственных ног, помочь не сможет. Связист – не генерал, ему не позволено наступать сзади, а драпать спереди. Убегать связисту всегда приходится последнему, поэтому он всечасно начеку, к боевому манёвру, как юный пионер к торжественному

сбору, всегда готов – мгновенно собрав своё хозяйство, он обязан обогнать всех драпающих не только пешеходов, но и на лошадях которых. Будучи обвешанным связистским оборудованием, оружием, манатки свои – плащ-палатку, телогрейку, пилотку, портянки, обмотки клятые ни в коем случае не терять – никто ему ничего взамен не выдаст, с мертвецов же снимать, да на живое тело надевать – ох-хо-хо. Кто этого не делал, тот не почует кожей своей...

«Где эта связь, распра...» Не дав закончить складный монолог, связист должен сунуть разгорячённому командиру трубку: «Вот она, т-ыщ майор, капитан, лейтенант! Тутока!»

***

Жёстко, сурово, обнажено правдиво, и в самую точку. И хотя сейчас не было войны – и ситуация в мирной жизни совершенно иная и несопоставима по напрягу с реальными ужасами военного времени, но ассоциации просматривались. Я быстро понял, что Телеграфно-телефонная станция в Синегорске – это очень удобный молниеотвод для очень многих руководителей предприятий. На этот «молниеотвод», с молчаливого согласия властей, – очень легко можно переложить, направить собственные просчёты. Недостатки собственной хозяйственной деятельности.

Смириться с навязываемой мне ролью «молниеотвода» я не хотел. Всегда мог постоять за себя. А в данном случае, – моим «Я» должно было стать это, неожиданно-негаданно, свалившееся на меня попавшее в беду предприятие. И пока ещё только подсознательно, мне начинало становиться за него обидно.

Поняв, что со мной каши не сварить, Анатолий Никифорович приказал

– Вот, лично и доложите Дымченко о своём неумении работать.

Делать нечего – надо было звонить Дымченко.

Позвонил в приёмную, секретарь соединила.

– Александр Сергеевич, по таким-то и таким причинам – я не смогу выполнить ваше задание, – виноватым голосом выдавил я.

– Какого же черта вы тогда мне звоните, – раздражённо бросил секретарь и положил трубку.

Да... – с начальством отношения у меня явно не клеились.

А может быть, бросить всё и отказаться от начальнического титула, пока, не успел ещё и окончательно не увяз в этом болоте? – скользнула предательская мысль. Пока, ещё только скользнула...

Поздно вечером возвращался домой, как всегда пешком. Поймал себя на мысли, что постоянно думаю о работе, мучительно думаю, – а ведь раньше со мной такого не бывало. Обычно в дороге я всегда напевал какую-нибудь песню. Сколько себя помню – всегда пел. В зависимости от того, где нахожусь, или «про себя», или вполголоса, или просто мурлыкал мотивчик. Или, – особенно в детстве, – насвистывал. Заливался свистом. Мать так и поддразнивала – наш «свистун»!

Песни были разные. В зависимости от настроения, – о любви, просто красивые, бодрящие и «боевые». Я знал массу песен наизусть, и обладал прекрасным слухом и неплохим голосом.

По этой причине меня непрерывно тянули хударки в самодеятельность, а я её боялся как черт ладана. Почему боялся – это другая история...

И вдруг – молчу. Попытался запеть осознанно – не пелось...

А ночью засыпать становилось все труднее.

Прошло ещё несколько дней. Вопросов без ответов становилось все больше и больше. Вокруг появлялось все больше и больше начальников разного ранга, которые считали своей

обязанностью дать мне очередное задание с требованием «исполнить его в кратчайшие сроки». Я все больше и больше огрызался и все больше и больше портил отношения с руководящими работниками города и частично, области.

Наконец не выдержал – пошёл к своему Семенову. Алексей Николаевич после передачи мне власти в ЭТУС выбрал себе место для скромной работы в техническом отделе. Там и находился. Принял меня с радостью – выслушал, посочувствовал.

– Виктор Васильевич, вам надо выдержать этот натиск. Вас сейчас все пробуют «на зуб». Вам надо проявить характер.

– Да, вот я его и проявляю! Но мне за это все чаще, и все большее, «достаётся на орехи» – пожаловался я. Такое количество поручений – что только от перечисления их кругом идёт голова! И все требуют их выполнить, и все – немедленно!

Алексей Николаевич ответил просто

– А зачем их ВСЕ выполнять? Выполните два-три, из десяти. Главных ваших начальников это устроит. И посоветовал

– Сходите к начальнику Почтамта Селину Степану Ивановичу. Он имеет огромный опыт работы со структурами власти, его советы будут для вас полезны. И добавил на прощание

– Не хватайтесь за все сразу. Определите конкретные, пусть даже маленькие проблемки, поддающиеся решению, и старайтесь последовательно их выполнять.

Странное чувство... Он не был многословен. Говорили его глаза. Из них лучилась твёрдая уверенность в том, что я со всем этим обязательно справлюсь.

К Селину – проработавшему в городских предприятиях связи долгие годы, причём, успешно проработавшему и в настоящее время возглавлявшему городской Почтамт, пока особой нужды идти не было. Чтобы взбодриться, мне хватило Алексея Николаевича. Но напоминание Семенова о нем было кстати. Действительно, полезно было бы с Селиным поговорить, но это я сделаю попозже...

А пока, я приглашал в кабинет Ковалёва, задавал ему возникающие в ходе ознакомления с предприятием вопросы, просил охарактеризовать наиболее ключевых руководителей и работников, мотал его информацию на ус. Выводов никаких не делал, просто принимал её к сведению.

Пётр Романович внешне был для меня полностью открыт, но мне приходилось учитывать, что он обозлён на весь мир, Практически всех работников цеха ГТС, за редким исключением, кроме как сволочами и пьяницами не называл. Убеждал меня, что воздействовать на них, кроме как через ругань и крики, почти невозможно. По поводу взаимоотношений с властями только сочувственно вздыхал, но о том, как строить работу со службами и цехами ТТС – делился охотно.

Вот и сейчас, он вводил меня в курс дела, – каков порядок проведения приёма посетителей по личным вопросам. Делился опытом. В ближайшую пятницу во второй половине дня мне предстояло провести свой первый приём.

Глава 7. Приём по личным вопросам

Оказывается, приём граждан «по личным вопросам» занимает важное место в расписании дня начальника ТТС. Проводится в специально отведённые для этого действия часы и не подлежит отмене, ни под какими предложениями. На приём посетителей отводится три часа времени, в каждую пятницу, во второй половине дня.

Пётр Романович рассказал о порядке проведения приёма, предупредил, что практически все посещения жителей города касаются либо установки телефона, либо восстановления его работы.

Сообщил, что при приёме на рабочих местах должны находиться начальник цеха ГТС, начальники абонентского и технического отделов. По специально организованной прямой связи необходим постоянный контакт с ними, в процессе приёма. Предупредил, что я должен общаться с посетителями обязательно при свидетеле и порекомендовал, для присутствия в кабинете, почему-то – начальника отдела кадров Парк Светлану, которая будет заодно вести сопутствующую документацию. Посоветовал быть максимально сдержанным, ибо мне придётся иметь дело с совершенно непредсказуемым поведением людей

– Разные люди заходят в этот кабинет...

Рассказал несколько возмутительных историй. О том, как на него один из инвалидов-посетителей набросился с костылём... Другой – пытался схватить за грудки...

При этом, его резко усилившееся заикание выдавало внутреннее волнение. Чувствовалось, что процесс приёма был для него довольно неприятной обязанностью, – одни только воспоминания о которой, вызвали прилив крови к голове. Мало того, что он все сильнее и сильнее заикался, его лицо сильно побагровело, стало откровенно жёстким и угрюмым. Наверное, сказывалось то, что Грачева не просто уволили с работы. На него завели уголовное дело по каким-то махинациям, связанным с установками телефонов. Проводилось следствие, и его ждал суд...

На следующий день, в пятницу, после обеда, мне предстояло испытать приём на себе.

Я уже познакомился и побеседовал с начальником абонентского отдела – Юртабаевой Асией Хасановной и начальником технического учёта – Боровик Любовью Ильиничной – милыми, приятными женщинами, очень вежливыми и предупредительными со мной.

Любовь Ильинична, маленькая, юркая, вся была усеяна конопушками, что было очень необычно, и они её совершенно не портили. Она откровенно радовалась моему приходу на предприятие и при первой же встрече, видно желая сделать комплимент, сообщила, что слышана обо мне только с хорошей стороны и уверена, что с моим приходом, на ТТС, наконец, возобладает порядок.

Асия Хасановна – статная, высокая татарка, чувствовалось – женщина себе на уме. Complimentами не сыпала, держалась настороженно, но с достоинством.

Из беседы с ними при знакомстве я понял, что они прекрасные специалисты, хорошо знают сеть и готовы ответить на любые вопросы, возникающие в процессе приёма. На опасения, что я, пока, вряд ли смогу что-либо обещать людям – уверили, что два-три положительных решения они мне найдут. И этого на приём будет достаточно.

Ну вот! И здесь действовало правило указанное накануне мне в качестве совета у Семёнова.

Уже уходя на обед в столовую, в час дня, увидел в приёмной несколько горожан записывающихся на приём у секретаря. Секретарь приёмной на обед не уходила.

Возвратившись с обеда, за пятнадцать минут до начала второй половины рабочего дня, я с трудом смог пробиться в кабинет. Приёмная была буквально набита людьми разных возрастов. Их было человек двадцать. Некоторые были очень пожилыми, явно больными и сидели на немногочисленных стульях, имеющихся в приёмной. Остальные, просто стояли.

Меня, естественно, никто не знал. Я выглядел очень молодо, был стройным и подтянутым и совсем не походил на начальника. Вняв просьбе секретаря, люди расступались, чтобы пропустить меня в кабинет. Я осторожно протискивался сквозь толпу, ощущая на себе удивлённые и любопытные взгляды.

В кабинете уже сидела Парк Светлана. На её столе находилась картотека, в которой по алфавиту были разложены во время предыдущих приёмов заполненные листки на посетителей, стандартной формы, в каждом из которых была зафиксирована суть просьбы, принятое решение, ход и сроки её исполнения. Рядом лежала стопка незаполненных бланков.

Било волнение. По прямому телефону попросил секретаршу впустить первого посетителя. Приём начался.

К моему удивлению – нет, не вошли, – буквально вползли два человека. Это были очень-очень больной старик, практически почти не умеющий передвигаться без посторонней помощи, и молодая, очень бойкая на вид, решительно настроенная девушка, похоже – его внучка. Так и оказалось.

У меня невольно вырвалось

– Зачем Вы привели этого дедушку?

– Для того, что бы вы лично убедились, насколько ему нужен телефон на квартире – нагло ответила девушка.

– Покажи, покажи ему документ, – обратилась она к больному дедушке, который трясущейся рукой, что-то бормоча, пытался вытащить из кармана удостоверение участника войны.

– Он – участник войны! У него льготы, а вы ему даже телефона поставить не можете, – продолжала внучка. Ещё ничего не услышав от меня, она уже переходила на крик.

На деда было жалко смотреть. Но он, тоже, пытался что-то говорить, и, похоже, плохо слышал. Его бы в больницу...

– Это же не медицинское учреждение, а я не врач – растерянно пытался девушку урезонить. – Неужели вы не смогли бы сами без его присутствия изложить просьбу об установке телефона? Неужели вам его не жалко было больного, сюда тащить?

– Это вам его не жалко... – накаляла обстановку посетительница.

И тут, вмешалась Парк. По фамилии ветерана войны, указанной в удостоверении, она нашла в картотеке листок приёма с широкой красной полосой, нанесённой по диагонали. В листке было записано, что дом, в котором проживает ветеран, не только сам не телефонизирован, но не телефонизирован и весь микрорайон, только недавно начатый застраиваться в городе. Внизу, под записью стояла резолюция: – телефон будет установлен во втором квартале 1986 года.

– Вам же объясняли, что надо подождать до весны, – твёрдо отчеканила Светлана. – Если что-то наметится ранее, мы вам сообщим. А теперь, прошу вас дать возможность, нам нормально работать.

– Он не доживёт до лета, – визгливо закричала девушка. – Ставьте всем телефоны по благу... Ну, ничего, я найду на вас управу!

Взгляд её упал на стоявший в углу телевизор. – Живете здесь в роскоши...

Деду явно было тяжело это выдерживать, он пытался встать. Света подскочила к нему, подхватила его под руку и повела к выходу. Внучка, продолжая сыпать угрозами, невольно поспешила за ними.

– Уф-ф-ф...

Я тут же, позвонил по прямой связи Асие Хасановне и спросил:

– Мы, действительно, сможем установить этому человеку телефон во втором квартале?

– Нет, – помявшись, ответила она.

– Тогда почему же мы ему это обещаем?

– А мы просто не можем отказывать людям, особенно участникам войны – услышал я обескураживающий ответ.

Да, похоже, обещания в этом кабинете раздавались щедро...

Следующей посетительницей была женщина средних лет, интеллигентного вида, почему-то вошедшая раньше многочисленных людей пожилого возраста находившихся в приёмной. Несмотря на свою интеллигентность явно не в её правилах было уступать им очередь. Она очень сочувственно посматривала на меня. Её лицо выражало откровенное презрение к выковылявшему предшественнику. Даме тоже требовался телефон...

Мы приняли более двадцати человек и только двум из них, как и обещала Асия Хасановна, дали надежду на установку телефона, правда, после дополнительной проверки монтерами свободных линий.

Посетителям, пришедшим лично сказать, что у них очень давно повреждён домашний телефон и что мер по восстановлению его работы не принимается – я тоже, ничего не обещал. Говорил лишь что разберусь. Созванивался с Висящевым по прямой связи, и, видя, что консультации с ним ни к чему определённого не приводят – откровенно говорил людям, что пока не могу им ничего сказать конкретного, кроме как разобраться с причиной повреждения, закреплённого за ними номера. Не обозначая сроков, просто просил их ещё немного потерпеть. Некоторые меня понимали, но на лицах большинства посетителей читалось разочарование и не только оно...

Когда приём закончился, было около восьми часов вечера. Эти, без малого шесть часов непрерывного общения с людьми, показали мне вечностью. Интересно, лицо у меня было таким же багровым как у Ковалёва, при упоминании о приёмах?..

Проблема телефонизации квартир граждан – жгла, горела...

Добрая половина посетителей, прошедших через приём, действительно, нуждалась в телефонах. Многие приходили сюда не первый раз. Почти все заявляли, что стоят в очереди давно, десятки лет, а очередь не продвигается. Некоторые заявляли, что в их доме недавно поставили телефон. Хотя они, в доме по очереди, – первые?!.. И услышав, что сейчас им поставить телефон нет возможности – тут же требовали объяснений. На каком основании (подразумевалось, что, конечно же, – по благу) этот счастливчик – их сосед по дому – сумел получить заветный номер?

Я выяснял это у Асии Хасановны – и, с её слов, сообщал причину установки телефона счастливчику: – «по производственной необходимости»... – «по распоряжению обкома... горкома... горисполкома»... Конечно же, данный ответ их не устраивал, и люди уходили недовольными.

Да лучше бы я вместо встречи с этими людьми разгрузил вручную несколько машин с углём!

Перед приёмом, по совету Ковалёва, я внимательно изучил нормативные документы по Правилам установки телефонов. К сожалению, реальность резко отличалась от идиллии, прописанной в них. К тому же «Правила» были очень не конкретны.

Во время приёма особенно было жаль больных и стариков. Их рассказы о своих «болячках» больно трогали душу.

Мне всегда было жаль слабых и обиженных. В детстве, даже, был случай, когда я очень сильно подрался со своим лучшим другом, только из-за того, – что он убил первую весеннюю муху. Это смешно, но это правда.

А тут люди! Больные, страдающие люди!.. И в настоящее время, не в моих силах было им помочь.

С гнетущим чувством, пешком, возвращался домой. Осмысливал проведённый приём. Получался какой-то парадокс: – мы делали вид, что принимаем людей с целью – сделать им хорошо, а на деле, только озлобляли их.

Люди, приходя к нам, делали вид, что верят нам, а на самом деле, безапелляционно опротестовывали наши решения – и этим, озлобляли нас. Какой-то чудовищно глупый, механизм взаимного озлобления! Кому это выгодно? Ради чего это делается?..

Было ощущение бесполезно потраченного времени. И самое главное – для меня это сразу стало очевидно – выходу из тяжелейшего кризиса с отвратительным качеством работы сети, в котором явно находилось предприятие, эти приёмы совершенно не помогали. Чувствовал, может быть из-за непривычки, что приём просто выбил меня из колеи. Полная неудовлетворённость в душе...

Хотя, двум счастливицам, все-таки, повезло. По адресам их проживания таки были выписаны справки на дополнительное обследование возможности установки. Пока, только – возможности...

На следующий день, первым делом распорядился, чтобы телевизор был вынесен из кабинета. Его установили в приёмной. В отличие от директора телевизор секретарше в приёмной, наверное, смотреть было можно. Впрочем, она его почему-то, тоже, не включала.

Глава 8. Почему всё так плохо?..

Незаметно пролетели две недели. Ничего существенного за это время не произошло. Висящева понапрасну не дёргал. Собирались втроём по вечерам. Я все больше и больше вникал в суть эксплуатации линейно-кабельного хозяйства города все яснее и яснее представлял для себя весь трагизм ситуации сложившейся в цехе ГТС.

Совсем не случайно получилось, что именно этот цех – цех с очень тяжёлыми и непривлекательными условиями труда, предполагающими в любую погоду, его работникам исполнять свои обязанности на улице, стал наиболее слабым звеном в комплексе взаимосвязанных, очень ответственных, задач поставленных перед ГТС. Здесь, в первую очередь, отражались наиболее неблагоприятные тенденции имевшие место не только в отрасли, но и в народном хозяйстве страны, в целом.

Изучая кадровый состав цеха, я сразу же обратил внимание на то, что в цехе не оказалось ни одного специалиста с высшим образованием. Даже с техникумом связи, не было. Малочисленные инженерные должности занимали самоучки.

Не было заманчивых стимулов привлекающих на этот, особенно в глазах молодёжи, непрестижный участок работы. Поэтому и не шли сюда люди. Инженеры и техники с образованием не шли из-за уравниловки, царившей на предприятии, в целом в системе, оплаты труда. Даже начальник цеха здесь получал заработную плату, в лучшем случае, наравне с кабельщиком—спайщиком, у которых, кстати, заработная плата была тоже неадекватна тем скотским условиям, в которых они работали. По крайней мере, в то время когда я пришёл. Начальник цеха ГТС – Александр Дмитриевич имел за плечами только ПТУ, получал на практике зарплату даже меньше чем у подчинённых ему кабельщиков – в сложившейся ситуации премии он, как правило, не получал. Было много причин – лишить его этой премии.

Прав был Ковалёв. Управление производственными процессами строилось, особенно на запущенных участках, на криках и постоянных уступках со стороны руководства рядовым работникам, представителям рабочего класса. Ещё бы! Рабочий класс, – он ведь, по любимому выражению председателя областного профсоюза работников связи Ситниковой Полины Ивановны – он ведь – «гегемон»! Никто не смеет, обидеть рабочего человека. Рабочий человек везде востребован и всегда – нарасхват. Обидишь – тут же, найдёт другую работу!

Не было честной и справедливой системы оплаты труда за приложенные усилия. Партийная пропаганда, по-прежнему, призывала людей во имя близкого светлого будущего «бросаться на амбразуры».

Понимали эти призывы – каждый, по-своему. Совестьливые, честные люди трудились с полной отдачей, рвачи и хапуги, требуя «положенного», брали «на горло». Последние, – они ведь «гегемоны», они давно поняли – честный труд, это для дураков. Они давно поняли, что ту зарплату, которую получают в поте лица эти «дураки-первые», им дадут и так! Только – за присутствие на работе, за видимость работы! И действительно, давали. . .

Качество работы определялось внутренним состоянием души человека. Циничное, развращающее влияние откровенных халтурщиков, а их появлялось все больше и больше, разлагающе действовало на коллективы. Появление слабых и некомпетентных руководителей резко усугубляло ситуацию.

Я на своём опыте повидал достаточно таких людей и в Эксплуатационно-техническом узле связи. Нахрапистых, бьющих по поводу и без повода себя в грудь

– Я же, рабочий класс! – Равнодушных лентяев, откровенной демагогией прикрывающих явное нежелание и неумение работать. . .

За последние десять лет самостоятельного плавания Телеграфно-телефонной станции, как отдельного предприятия, цех ГТС в её составе, накопил полный набор наихудших методов производства.

Запас прочности линейно кабельной сети до образования Телеграфно-телефонной станции, накопленный в Городском узле связи, под руководством Селина Степана Ивановича, полностью исчерпал себя. Ушли кадровые работники, была потеряна преемственность производственного процесса. Качество работы сети валилось на глазах. Грянул и завис во времени, кризис. Неразборчивость в подборе кадров привела к появлению в цехе таких руководителей как Обухов. Практически отсутствовала дисциплина.

Не знаю с чьей подачи, но «гегемоны» цеха ГТС нашли, очень характерный для текущего времени, способ зарабатывания денег. В какой-то момент они стали «не успевать» устранять повреждения на сети в рабочее время, стали задерживаться, чтобы окончить работу. Создавалось впечатление заботы о ДЕЛЕ. Но, несмотря на задержки, повреждений становилось все больше. По существу, детально разобраться с причинами их роста своевременно руководство не смогло.

С ростом повреждений необходимость работы в сверхурочные часы всё возрастала. Припозднившихся на работе, хвалили и ставили в пример. Очень скоро задерживающиеся для устранения повреждений «герои» попросили оплаты, полагающейся за работу в сверхурочное время.

Профсоюз бдительно следил, чтобы эта оплата в зависимости от часов переработки оплачивалась в полуторном, а затем и в двойном размерах. И пошло – поехало. Больше повреждений – больше сверхурочных! Больше сверхурочных – выше зарплата! Деньги они и есть деньги – не важно, по какой статье выплачиваются. «Гегемон трудился». Повреждения нарастали как снежный ком. Их количество временами зашкаливало и достигало тысячи...

И по факту, к моему приходу, сверхурочные переработки в цехе ГТС тоже исчислялись тысячами часов.

Профсоюз с одобрения своего областного руководства очень заботился о «гегемоне». Им, прямо на рабочее место, подвозили горячее бесплатное питание, подвозили даже спиртное «для сугреву». Что может быть вреднее – пьяного кабельщика спайщика во время работы?..

Вторым доходным источником были порывы кабелей. А в городе разворачивалось серьёзное жилищное строительство. Предприятию, допустившему порыв кабеля, грозил штраф. Специалистов в городе по устранению повреждений на телефонной сети, кроме как в цехе ГТС, не было. Якобы спасая штрафника порвавшего связь, Обухов со-товарищи, предлагал свои услуги по устранению порыва. Даже – со своим материалом, естественно, не за красивые глаза. «Калым» гораздо превышал потерю премии за плохое качество работы сети. Да и премии их, «гегемонов», «своевременно» устранивших порыв кабеля, никто и не лишал...

За десять лет, в период с 1976 по 1985 годы, новое строительство АТС и телефонных сетей, по существу, в городе только начинало разворачиваться. В 1977 году была введена в эксплуатацию локальная координатная телефонная подстанция ПСК-1000 ёмкостью 1000 номеров в западной части города. В 1978 году была построена декадно-шаговая АТС ёмкостью 1000 номеров в Юбилейном микрорайоне. Затем наступило затишье. Очередная АТС ёмкостью 2000 номеров в центре города строилась ни шатко, ни валко. Началось её строительство в 1979 году, и было, в основном, закончено за год до моего прихода, в 1984 году. При этом, линейно-кабельная сеть опять-таки, по причине крайне низкого качества работы приезжих строителей – тоже – «гегемонов», принималась в эксплуатацию с серьёзными недоделками. А Управлению связи нужно было выполнять план любой ценой. Всё то же торжество показухи.

Буквально во второй половине 1985 года, по рассказу Висяшева, был принят в эксплуатацию четырёхсотпарный кабель, оканчивающийся 414-ым, 415-ым телефонными шкафами,

по улице им. Урицкого. Он не был герметичным, не держал воздух, при прозвонке нормам не соответствовали почти пятьдесят процентов жил.

Руководство Управления умудрилось заставить принять этот кабель в эксплуатацию в качестве двухсотпарного. На заведомо неисправный кабель стали тут же включать абонентов, причём спаренных абонентов. За счёт этого и установили 400 новых телефонов. В момент моего вступления в должность более сорока из них, только что включённых в работу, числились в неисправных.

Необходимо добавить, что областной центр не имел ливневой канализации, и практически весь год её роль для города исполняла телефонная канализация ГТС. Она почти вся подтапливалась, особенно весенними и осенними водами. Многочисленные порывы водопровода, а в зимнее время – утечки горячей воды из системы отопления, беспрепятственно проникали в канализацию ГТС и заполняли её колодцы по самое горлышко. Короче – наихудших условий эксплуатации кабелей связи не придумаешь и в дурном сне...

***

В промежутках между вызовами в горком и горисполком я продолжал знакомиться с командой и предприятием. Постепенно втягивался, привыкал к новому ритму работы.

Приёмы по личным вопросам, с некоторыми вариациями, повторяли первый. И опять, кроме полного разочарования и ощущения никчёмности происходящего, они ничего не приносили. Выматывали основательно, оставляли в душе горький осадок, и стабильно пополняли и накапливали в сердце болезненную неудовлетворённость.

Глава 9. Собрание по итогам года

Подошёл срок проведения собрания по итогам года. Как новый человек, в дела по подготовке собрания я решил не вмешиваться. Правда, по ходу событий, ко мне подходили сотрудники, пытались советоваться по организационным вопросам, но я с лёгкой душой переправлял их к Макарычеву. Обратил внимание, что особую активность в этом вопросе проявляли начальник планово-финансового отдела, и мой заместитель, курирующий вопросы междугородной связи, взаимодействие с профсоюзами и ещё что-то, связанное с общественными функциями.

Я помнил, что несколько лет назад, на должность заместителя начальника ТТС был назначен молодой специалист, окончивший Ташкентский электротехнический институт связи Нурахметов Аскар Накишевич, но видно не потянул ноши. В настоящее время он работал начальником цеха АТС.

В качестве заместителя Ковалёвым мне была представлена молодая женщина – Белявская Елена Евгеньевна, причём аттестована она была, чуть ли не лучшим работником на всей ТТС. Познакомился поближе и с ней.

Елена Евгеньевна оказалась очень симпатичной. Её глаза источали какое-то странное, успокаивающее, умиротворённо участливое внимание. Всем своим видом она показывала, что готова выполнить любое моё задание. Поговаривали, что к ней равнодушен Ковалёв, но мне это как-то было все равно. А вот из разговора по работе я так и не понял, чем она конкретно занимается.

Сидела передо мной этакая очень ласковая кошечка. Преданно заглядывая в глаза, в процессе беседы, умудрилась даже, как бы невзначай, положить свою ладонь на мою руку. Руку я убрал – мне стало неприятно.

Предупредил, что ответственность за подготовку предстоящего собрания полностью лежит на ней. Получил от неё горячие заверения, что пройдёт оно наилучшим образом. Разошлись – и забыл об этом. В новых, сложившихся реалиях жёсткого прессинга со всех сторон, мне было явно не до собрания.

Из общения с Еленой Евгеньевной понял, что выполнять обязанности заместителя в тех объёмах, которые обычно распределялись на эту должность в эксплуатационных предприятиях, она явно не сможет. В моем понимании заместитель должен был помимо того, что Елена Евгеньевна якобы исполняет, первым делом – заниматься транспортом, тянуть хозяйственный блок, курировать строительство. Явно почему-то лукавил Ковалёв, так красиво говоря о её достоинствах.

Сразу после обеда, в большом вместительном Красном уголке, который располагался в здании электрокорпуса, собралось более ста работников предприятия – представителей от всех цехов и служб. Я дождался Фенина Андрея Алексеевича, и вместе с ним мы вошли в зал.

Председатель профсоюзного комитета провела нас на пустующие места в первом ряду. Люди с любопытством поглядывали на меня. По залу гуляло жужжащее перешёптывание.

Председатель комитета подошла к трибуне и предложила избрать Президиум. В зале встал один из работников и по заранее заготовленному списку зачитал фамилии людей, в числе которых были и мы с Фениным. Зал дружно проголосовал. Все «выдвинутые» поднялись на подмосток сцены и заняли свои места в Президиуме. Собрание началось.

Доклад Макарычева был объёмный, пестрел цифрами достижений, назывались фамилии передовиков, и если бы я не побывал уже в новой шкуре начальника ТТС, то должен был бы только радоваться и считать, что мне крупно повезло.

Действительно, планы были почти все выполнены, много хорошего было сказано о работе телефонисток. Цех телеграфа гордо назывался цехом Коммунистического труда. Резко были перевыполнены планы цехом радиоузла, качество работы которого с гордостью оценивалось на отлично. Перечислялось введённое в эксплуатацию оборудование, смонтированное и отлаженное собственными силами, – междугородчиками, телеграфистами...

Александр Николаевич выделил и отдельные недостатки. В числе их настойчиво сквозила неудовлетворительная работа цеха ГТС по устранению повреждений на линейной сети. Выражалась осторожная надежда, что с приходом нового начальника предприятия положение и здесь изменится.

Затем последовали отчёты цехов. Их зачитывали передовики, рядовые работники – телефонистка, телеграфистка, монтажёр цеха радиофикации, инженер цеха АТС. Все они перечисляли достижения своих служб, обязательно вскрывали недостатки в организации рабочих мест – такие, как холод на переговорном пункте, недостаточное количество телефонных гарнитур для телефонисток, а также, высказывали мелкие претензии к смежным цехам.

Но в одном, они все были дружны.

То, что телефонистки не могли предоставить заказанные переговоры по причине неработающих телефонов – виноват был цех ГТС!

То, что телеграфисты не могли выполнить заявку предприятия на организацию прямой телеграфной линии – виноват был цех ГТС!!

То, что цеху радиоузла не хватало автомашин (большее количество перераспределялось на цех ГТС) – виноват тоже, был цех ГТС!!!

То, что блокировались и залипали приборы на телефонных станциях – виноват был цех ГТС...

Обвинения в адрес цеха ГТС скользили явно по привычной и накатанной колее. Но я заметил, что ни в одном из критических выступлений не предлагалось даже маломальского конструктива. Хотя бы тонких штрихов – а как сделать, чтобы не был виноват, во всем! – цех ГТС??..

Последним выступал от ГТС сам Висящев. В целом, его выступление было кратким. Он тоже сказал немного о достижениях цеха – как ни странно, они были. Странно, что был выполнен план по приросту телефонов-автоматов и план доходов от них, был выполнен. И совсем странно, но был выполнен план и по приросту телефонов? Это – при чрезвычайно большом количестве неработающих на сети? Ставились телефоны и участникам войны, ибо на эти установки тоже был план.

И, конечно же, в его выступлении прозвучали сетования на отсутствие специалистов, на недостаточное обеспечение транспортом, и особенно на практическое отсутствие поставок многопарного телефонного кабеля для замены повреждённых участков а также, поставок других эксплуатационных материалов. По этой причине практически не проводился капитальный ремонт. Закончил Висящев выступление скромно, без обещаний, и вернулся в зал.

В целом собрание прошло очень организованно. В заключение я сказал несколько слов. О том, что увидел сегодня вверенный мне коллектив очень мощным, с хорошими потенциальными возможностями. И видимо, нам всем вместе необходимо подумать, – что, коли уж работа всего предприятия зависит от цеха ГТС – как бы ему оказать посильную помощь? Сказал, что, по моему убеждению – особенно, это мог бы сделать радиоузел. Отметил, что основное, что надо сделать – это максимально снизить повреждения на телефонной сети, и это, потом, позволит работать не аврально, а по планам.

Выступивший в заключение, Фенин особо в критику не впадал, но что важно – пообещал помочь кабелем...

И действительно, через несколько дней кабель поступил. Его было явно недостаточно – но сам факт поступления обнадеживал. Немаловажно было и то, что это был целевой кабель,

пришедший не для развития сети, а именно на эксплуатационные нужды, – для ремонта. Даже Александр Дмитриевич приободрился.

Спустя несколько дней оказалось, что радоваться было рановато. Макарычев принёс новость, что главный инженер Управления связи Искандеров требует, чтобы из полученного пятидесятипарного кабеля – четыре километра мы самостоятельно проложили на вокзал. Там требовалась установка новых телефонов. А его, – этого кабеля, всего-то и было четыре километра.

– Вот так и работаем с Управлением, – с горечью заключил он.

Я возмутился.

Пошли вдвоём к Искандерову. Амантай Искандерович на своём распоряжении настаивал. Я пытался убедить его, что сейчас надо все силы сосредоточить на ремонте имеющейся сети, а не на её развитии. Страсти накалялись. Моё природное упрямство давало о себе знать, и я ледяным тоном сказал, что пока не снижу повреждения до разумных пределов, никаким развитием заниматься не буду. Это было Искандерову как нож в сердце.

– Никогда не избавитесь вы от повреждений – бросил он. – Если в городе их количество будет сохраняться на сети не более трёхсот—четырёхсот в день – нас это устроит.

– Меня это не устроит! Горожан не устроит! – посмел я не согласиться.

– Посмотрим... – многозначительно хмыкнул Искандеров. – Это все в ваших мечтах! А вокзалу железнодорожному – сейчас требуется дополнительная и надёжная связь!

Он все ещё не терял надежды – надавить, и добиться моего согласия на перераспределение злосчастного кабеля с эксплуатации на развитие, но я твёрдо стоял на своём. Разругались... И все-таки, одолеть моё упрямство Искандерову не удалось.

Макарычев во время нашей перепалки тоже не оставался в стороне. Он, пытаясь сдержать возмущение и очень волнуясь, запальчиво вставлял реплики, и всячески поддерживал меня. Окончательное решение повисло в воздухе, но покинув кабинет, мы чувствовали – победа будет за нами. Мы тоже печёмся о деле! Ну, не с работы же нас за это снимать...

Глава 10. Волнительное событие

У меня закончился годичный испытательный кандидатский срок. Секретарь партийной организации ТТС – по основной должности, начальник спецотдела – Мелонская Раиса Фёдоровна. Женщина средних лет, очень строгая на вид, молчаливая и замкнутая. Что интересно! – вот ведь – секретарь партийной организации, а говорит как-то косо, и слова из неё вытягиваешь с трудом. Она и сообщила, что надо мне готовить документы на приём в партию.

Среди недели пошёл фотографироваться на партбилет. Получил свои фотографии и сам себя не узнал. Резко похудевшее лицо, хмурый настороженный взгляд, и какая-то усталость... Очень себе не понравился. Какой-то замученный мужик! Решил перефотографироваться рано утром в понедельник, с утра пораньше. После ночного отдыха – выгляжу получше...

Приём в партию проходил в актовом зале городского комитета. Приглашали прошедших кандидатский срок на собеседование с ветеранами партии, членами партийной комиссии строго по списку. Перед этим, до поздней ночи, чтобы «не ударить в грязь лицом», я усиленно штудировал Устав партии. В голову ничего не лезло.

Больше, чем за прошедшие три недели, когда свалилась эта начальническая ноша, казалось, напугать меня уже никто и ничто не может. А вот перед собеседованием волновался очень и трепетал весь – вот ведь – СОБЫТИЕ...

В возрасте в тридцать три года, я уже многое повидал, успел закалить характер и, тем не менее, волнение было особенно сильное. В Партию я вступал по убеждению, в Партию я свято верил и считал за честь – стать коммунистом.

Совсем недавно КПСС возглавил молодой энергичный Генеральный секретарь Горбачёв Михаил Сергеевич. У очень многих появилась надежда, что страна избавится наконец, от обстановки самовосхваления, что реальная жизнь людей будет соответствовать декларируемым ценностям. От Партии зависит все.

На своём опыте убедился, что не только политику определяет, но и непосредственно руководит народным хозяйством страны Партия. А значит – оказывать эффективное влияние на ход производственных процессов, в которых в ходе профессиональной деятельности, принимая участие, я смогу – только находясь в рядах коммунистов.

По должности, во время работы в ЭТУС, меня часто приглашали на открытые партийные собрания, давали право выступать в прениях по тому или иному вопросу. А вот участвовать в принятии решения могли только коммунисты. Мне это даже мешало иногда в делах.

Пока дожидался своей очереди, перескакивал в мыслях с одного на другое, думал о разном. Понимал – предстоит выдержать очень сложный экзамен.

Словом, волновался очень сильно. Вступление в КПСС было чрезвычайно важным событием. Не опозориться бы! Члены комиссии могли задавать вопросы на любые темы – проверяли убеждения, кругозор... Очень боялся высокопарных вопросов – ну как на них отвечать...

Все прошло максимально быстро. После представления членам комиссии и оглашения краткой моей биографии отнеслись они ко мне очень доброжелательно, не стали мучить отвлечёнными вопросами, спрашивали лишь в разных вариациях, – когда нормально будет работать связь в городе?

Ответил внешне уверенно: – через полгода! Хотя, сам уже в это верил с трудом. Приняли единогласно.

По сути, вроде бы, и не изменилось ничего, а настроение было приподнятое.

Глава 11. Парадоксы очерёдности

В один из дней обсуждали с экономистом Мурносовой Валентиной Васильевной доведённые до ТТС планы на год. Они были довольно напряжённые. Особенно план по доходам, по установке и приросту телефонов. И если основную долю доходов, более семидесяти процентов, обеспечивал цех междугородной телефонной станции, работающий довольно стабильно, и Валентина Васильевна уверила, что с этой частью доходов все в порядке, то по выполнению плана установок телефонов были большие сомнения. В плане на год была заложена установка в городе тысячи телефонов. Экономист предостерегла, что если их не будет, рассчитывать на общее выполнение плана не следует. А где их взять – эти телефоны...

Строительство новых объектов связи в городе не намечается. В планах строительства на 1986 год заложен только один объект: – «Телефонизация Северной промышленной зоны», который должен быть введён в эксплуатацию только в конце года. А установки, согласно плану – требуются уже в январе. На резервы существующей сети, с учётом сложившегося положения с качеством её работы, рассчитывать не приходилось.

И все-таки, маленькие, но резервы были. Александр Николаевич сообщил, что на вновь застраиваемой улице имени Максима Горького удалось от строителей добиться телефонизации одного из домов по адресу Гагарина 68. В соответствии с действующими нормами, дом был телефонизирован на тридцать процентов от количества имеющихся квартир. То есть, только каждая третья семья из заселившихся в него жильцов, может получить телефон. Но ведь жильцы не знают этих тонкостей, знают, что телефонизация их дома проведена и всё с нетерпением ждут...

Асия Хасановна подготовила список очередников и передала мне на рассмотрение. Дом расположился в престижном месте, практически в центре города. Владельцами квартир, помимо льготников и очередников, стали, естественно, и рядовые граждане, и руководители предприятий. Будучи уверенными что кому-кому, а им телефоны будут установлены в любом случае, руководители не спешили писать заявление на установку телефона. Это же надо идти на ТТС – а времени у них – в обрез...

Асия Хасановна предупредила, что распределить телефоны будет очень сложно. Сообщила, что копию списка очерёдности отнесла Фенину. И вот, я впервые взялся за это дело. И, конечно же, как оказалось – всей сложности процесса не мог бы представить себе даже, в самом дурном сне.

Я ещё не успел ознакомиться со списком, а меня всю начали одолевать звонками с просьбами о телефонизации квартиры того или иного жильца. Откуда они узнали, что я начал рассмотрение списков?..

Позвонил Фенин, предупредил, что список нужно согласовать с горкомом и горисполкомом. Я про себя удивился, но смолчал. В списке было перечислено около пятидесяти фамилий, с указанием даты подачи заявления, профессии, наличия льгот – если таковые имелись.

Приложены к списку были и личные дела потенциальных абонентов. Чего в них только не было указано. И прописка, и паспортные данные. Различные ходатайства, заверенные печатями и резолюциями руководителей обкома, горкома, облисполкома... У некоторых были приложены справки по истории болезни, копии документов, подтверждающие инвалидность, справки о составе семьи – всего не перечислишь...

Личные дела абонентов заводились с момента написания заявления, и хранились в абонентском отделе. Срок хранения их практически не был ограничен. Они являлись документами строгого учёта, и система работы с ними у меня невольно тут же стала ассоциироваться почему-то, с системой работы с личными делами и другими подобными документами, прямо

чуть ли, не как в КГБ. Но там были – государственная безопасность, судьбы людей, а тут – обычные квартирные телефоны.

Может быть, на заре развития государства, в период известной борьбы с «внутренними врагами», когда телефонная связь только начинала развиваться, такая строгая система учёта средств связи и была оправдана. Но сейчас она выглядела, по крайней мере, на мой взгляд, явным нелепым анахронизмом.

Страна живёт в условиях тотального дефицита всего и вся. Люди привыкли стоять в очередях. Житейское дело. Кто-то кого-то обошёл, кто-то кого-то оттолкнул. В живой очереди наглецы могли выбить себе преимущества локтями и наглостью. В очереди по записи – тоже, с помощью связей, знакомств и блата. Но если купил человек по блату холодильник, или телевизор, и если продавца тут, же не схватили за руку – кто к этому возвращался?..

А вот в связи, история установки телефона, в принципе, простого бытового устройства – ну чем важность его наличия отличается от важности наличия телевизора или холодильника? – была полностью прописана документально и хранилась в деле как зеница ока.

Я ни в коем случае не хочу утверждать, что нарушений справедливости при «обложенных документами» установках не было. Правила допускали двойственное толкование многих пунктов. Этим умело пользовались желающие получить личную выгоду. Наверное, все-таки, не зря было заведено уголовное дело на Ковалёва. Может это и неплохо – такой учёт. Но я хочу отметить другую сторону вопроса.

Люди прекрасно знали, что у связистов есть эти бумажные «истории установки телефона». И в пору разворачивающейся Гласности, можно представить, сколько находилось желающих выступить в роли обличителей и следователей, пытающихся доказать, что год или два года назад, по тому или иному адресу, была допущена несправедливость в распределении телефона. И связистам приходилось возвращаться к давно сделанному, поднимать всю подноготную вопроса, вспоминать... Доказывать правомерность решения и оправдываться. И многим людям, обозлённым и обманутым в очередях за другими предметами и благами, очень хотелось отыграться хотя бы на связистах.

Я уже успел провести несколько приёмов граждан по личным вопросам. Пока, получалось удерживать их ход в рамках корректности и приличий. Но сколько нервов, выдержки и усилий требуется, чтобы выдержать эту, очень наглую и нескрываемую подозрительность к себе – особенно, если ты честный, совестливый человек. А родители воспитали меня именно таким. Не от всех исходит, конечно, эта наглая напористость – но попадаются экземпляры... И выбивают из колеи...

Я посвятил полдня изучению стопки дел. Строго, следуя Правилам, распределил двадцать установок. Пять свободных пар в кабеле оставил в резерве на всякий случай. Позвонил в горком Волнянскому и сообщил, что будет телефонизироваться дом по улице Гагарина 68. Он тут же, со списком, пригласил меня к себе. Просмотрел мои кружочки у фамилий кандидатов на получение телефона, и мы вошли в кабинет к Дымченко. Александр Сергеевич тоже заинтересованно и очень внимательно просмотрел весь список. Потом проставил несколько галочек против фамилий, не вошедших по моему распределению, в количество очередников.

– Этим людям нужно поставить телефон по служебной необходимости – заявил он.

– Они не попадают по очереди – попытался возразить я.

– Нужно! – отрезал секретарь и добавил – и вообще, вы будьте внимательны. Там у вас о начальнике абонентского отдела ходят разные слухи...

Я промолчал. Высказывание в таком духе первого секретаря горкома о начальнике абонентского отдела давало мне повод немедленно снять с работы Асию Хасановну.

Вернулись назад к Волнянскому. Анатолий Никифорович ещё раз монотонным тоном напомнил, что просьбы и распоряжения ПЕРВОГО выполняются беспрекословно и попросил внести в список фамилий некто Ниязову.

- Но от неё нет даже заявления – попытался возмутиться я.
- Завтра вам заявление принесут. Волнянский твёрдо стоял на своём.

С этим же списком я посетил и председателя горисполкома. Он, тоже, пометил фамилии нескольких человек вдобавок, к отмеченным, в горкоме.

Список претендентов на телефон явно расширился и уже перекрыл мой резерв. Озадаченный завершил я своё хождение со списком у Фенина.

Андрей Алексеевич пометил своим отличительным знаком фамилии людей, выполнить установку телефонов которым, ему поручил обком и облисполком. Я, конечно, понимал нужды производства, но я не понимал, как буду объяснять простым людям из этого дома, которые непременно, в ближайший же день приёма, посетят меня, – объяснять, что люди в списке, отмеченные руководством, к которым уплывут ИХ телефоны – не являются блатниками? Голова шла кругом. Я сказал об этом Фенину.

- Это теперь ваш крест, Виктор Васильевич – криво усмехнулся он...

Вернулся в кабинет, долго перечитывал Правила, кроил и так и эдак – ребус заданный вышестоящими начальниками не решался.

Поинтересовался у Юртабаевой

- Кто такая Ниязова?

Она оказалась крупным торговым работником, безусловно, распределяющим многие материальные блага и, конечно же, распределение этих благ в её ведомстве не фиксировалось обилием документов, как в случае с распределением телефонов у связистов. Ещё раз внимательно изучил я фамилии с пометками напротив. Бросилось в глаза, что именно торговые работники пользуются особым покровительством лиц, власть предрежащих. И надо полагать, прессинг в пользу своего протеже – властный, бесцеремонный с их стороны, в случае сопротивления, сможет довести до белого каления любого, даже самого стойкого и выдержанного человека.

И все-таки, я принял простое, но как впоследствии убедился, очень правильное решение. Я не хотел отвечать за действия вышестоящих начальников. Чего бы мне это ни стоило! Я решил отвечать только за свои действия. Распределил телефоны, так как мне подсказывала совесть – строго по очереди, а также тем людям, право на внеочередную установку телефона которым, подтверждалось объективными документами.

Ниязова, естественно, хотя она действительно написала заявление на следующий день, в их число не вошла. Прессинг был жесточайший. Как я его выдержал, не знаю. В конце концов, Ниязова все-таки получила телефон, но только после того, как ко мне пришло ПИСЬМЕННОЕ распоряжение Фенина прямо и недвусмысленно обязывающее меня сделать это. И все-таки, многие фамилии, против которых людьми с очень широкими властными полномочиями были проставлены едва приметные точки и запятые, так и остались в списках до следующего пока ещё неизвестно когда намечающегося этапа телефонизации.

С этого дня решил твёрдо, пока буду начальником больше ни одного списка на телефонизацию домов, ни в одну инстанцию не понесу.

Все чаще стало возникать ощущение, что меня скоро попросят с этого места.

Глава 12. Планёрки по своим правилам

По понедельникам, по устоявшейся традиции, Ковалёв проводил долгие планёрки с участием начальников цехов и отделов. Я не стал ломать традиций, за исключением лишь того, что сделал планёрки максимально краткими. Начальники докладывали очень сжато обстановку в цехах, ставили проблемные вопросы. Я скоро убедился в разношёрстности их интересов, которые очень часто шли вразрез с интересами предприятия в целом. Приходить к консенсусу (всюду звучит это новое слово) с учётом разнонаправленности интересов цехов, было очень сложно. Разрешил на планёрке поднимать только те общие вопросы, которые касались всех, не затрагивая интересов какой-то отдельной службы.

Первые же планёрки проходили с явным уклоном на критику работы цеха ГТС. Редко кто воздерживался от того, чтобы не лягнуть Висящева. Он вяло старался огрызаться, как уставший затравленный волк. В результате планёрка сводилась к бесполезной перепалке. Особенно выделялась в «критике» экономист Мурносова. Явно просматривалось, что она имеет огромный вес и авторитет, и доминирует в коллективе.

Наблюдая за перепалкой, я мысленно чувствовал себя в шкуре Висящева и точно знал, что будь бы я на его месте, никогда не позволил бы себе долго оставаться в положении козла отпущения. Все более и более понятными становились мотивы начальника цеха ГТС побудившие его написать заявление на увольнение.

Возникшая на очередной планёрке, перебранка была мною решительно прервана.

– Валентина Васильевна, – перебил я экономиста – вот вы очень наседаете на Александра Дмитриевича, а может быть, более конкретно подскажите ему, что же ему делать в сложившейся в цехе ситуации? Ваши «советы» общего плана явно нежизнеспособны.

Мурносова озадачено запнулась и умолкла. Присутствовавшие на планёрке начальники удивлённо переглянулись.

– Давайте договоримся, – продолжил я – что оценивать работу Александра Дмитриевича в обозримой ближайшей перспективе, будет иметь право только начальник и главный инженер...

Повисла тишина, но надо было видеть благодарные глаза Висящева...

Как оказалось, больше на планёрке на этот раз и обсуждать ничего не нашлось.

В заключение, перед тем как распустить людей, сообщил им своё твёрдое и недвусмысленное решение

– Все вопросы, требующие моего вмешательства, впредь, будут рассматриваться только с участием конкретных лиц, имеющих к ним отношение. И не обязательно дожидаться планёрки. В любое время, за исключением приёмных часов, кабинет для обсуждения этих локальных вопросов у меня открыт...

Глава 13. Цеха и участки

Время летело незаметно. Я мог уже достаточно детально оценить, каким же предприятием теперь руковожу.

Прав был Алексей Николаевич Семенов когда, напутствуя меня, говорил, что это большой корабль. К началу 1986 года ТТС состояла из шести крупных цехов и двух отдельных участков – транспортного и хозяйственного. Общая численность работающих превышала четыреста человек.

Наиболее многочисленным – свыше 150-ти человек, был цех междугородной связи. В его составе находились участки автоматической междугородной связи (АМТС) и полуавтоматики; линейно-аппаратный участок; коммутаторный участок. Все они имели чётко отлаженное производство, и не мудрено – ведь костяк работников в этом цехе составляли женщины. Здесь отсутствовало пьянство, преобладала высокая дисциплина, свойственная женщинам, повышенная ответственность за порученное дело. Это был цех, в котором количество специалистов с профильными высшим и средне-специальным образованием было наиболее высоким.

Цех традиционно занимал высокие позиции в Социалистическом соревновании, стабильно выполнял плановые задания. Цех развивался и модернизировался. Постоянно увеличивал количество каналов на магистральных и зонавых направлениях. Выводил из эксплуатации воздушные системы передач и заменял их современными, кабельными мощными, типа К-60, К-300, с высокой пропускной способностью, по мере строительства кабельных и радиорелейных линий связи смежными предприятиями Министерства связи – ТУСМ-3, ЭТУС, ОРПТЦ. Оборудование цеха было довольно надёжным, его эксплуатация не доставляла особых проблем.

Построенная и введённая в эксплуатацию в 1976 году АМТС-1М уверенно и с неплохим качеством обеспечивала потребителей автоматическими междугородными соединениями без участия телефонисток, и последовательно перераспределяла соотношение между автоматическими, полуавтоматическими и ручными междугородными соединениями в свою пользу. Многих работников участка ЛАЗ (линейно-аппаратный зал) я знал лично. Познакомился с ними в далёком 1974 году при прохождении здесь двухмесячной учебной практики на четвёртом курсе учёбы. Знал работников участка АМТС и полуавтоматики – его, с начала строительства и после ввода в эксплуатацию, возглавляла моя жена Ромалия Станиславовна находившаяся в настоящее время в декретном отпуске.

Заочно знал и телефонисток коммутаторного участка возглавляемого Бублик Александрой Степановной. Именно они обеспечивали мне соединения по области при работе в ЭТУС, обеспечивали очень качественно, своевременно с чёткой деловитостью. Именно этот цех принял меня наиболее доброжелательно. Но и тут головной болью сразу свалилась проблема.

Цех возглавляла Зябкина Нина Ивановна – прекрасно подготовленный специалист, очень милая обаятельная женщина. По характеру – спокойная, выдержанная. Всегда говорила ровным тихим голосом, казалось, ничто не могло выбить её из равновесия.

Но, к моей полной неожиданности, она – вторая после Висящева, заявила о своём уходе с должности начальника цеха. Повторяю, я знал её с 1974 года, у нас были нормальные деловые взаимоотношения во время совместной работы при расследовании и устранении повреждений на зонавых линиях связи. Оконечные устройства этих линий находились в ЛАЗ-е, и нам приходилось тесно сотрудничать. И я очень рассчитывал на неё.

Несколько попыток провести доверительную беседу с Зябкиной просто провалились. Нина Ивановна замкнулась в себе окончательно. Она и так была по натуре очень неразговорчивой. Игнорируя мои вопросы и доводы, упрямо поджимала губы, отмалчивалась. В глазах стояли слезы. Я только понял, что у неё был какой-то очень серьёзный конфликт с Ковалё-

вым, который, как оказалось, надолго отбил у неё охоту руководить. Нина Ивановна настояла на своём, и как предупреждала, в конце января она перевелась в управление связи на рядовую инженерную должность.

Нужно было срочно затыкать и эту кадровую брешь на очень важном участке производственной деятельности ТТС. Работа цеха междугородной телефонной связи проходила незаметно для городских и областных властей. За исключением разве работы телефонисток, с которыми они и, безусловно, жители города, непосредственно соприкасались. Но мы – связисты, вряд ли могли бы переоценить важность работы этого цеха.

Перебирал я с Александром Николаевичем специалистов. Подчёркиваю – многие из них были со специальным образованием – а вот явного лидера, способного возглавить большой цех, не высвечивалось. В итоге, остановились на Степанове Сергее Николаевиче.

Это был специалист – самоучка. В настоящее время работал старшим инженером – обслуживал оборудование полуавтоматики. Имел золотые руки, пыливый ум, был интеллигентен, очень начитан, работал предельно аккуратно и качественно. Был очень скромн в поведении – видимо, сказывалась его инвалидность. Он сильно хромал на одну ногу, которую, по глупости, сильно застудил в юности, будучи страстным рыбаком, на одной из рыбалок. Честный и совестливый человек.

В женском коллективе каждый работник-мужчина, был на особом положении, в смысле производственной деятельности. Именно ему приходилось выполнять все работы связанные с электропитанием. Практических действий с высоким электрическим напряжением, на особо опасных высоковольтных силовых цепях, женщины инстинктивно боялись. Вот и приходилось устранять наиболее сложные и запутанные повреждения, требующие особой осторожности, смелости, смекалки и твёрдых знаний, именно мужчинам. Во всех этих вопросах Степанов был просто незаменим.

На моё предложение возглавить цех – стал категорически отказываться. Я не стал лавировать. Честно обрисовал сложившуюся ситуацию и просто попросил мне помочь, хотя бы, в первое время. Я ему не мог предложить никаких дополнительных благ, да о них Степанов и не заикался. Именно врождённая порядочность Сергея Николаевича сыграла свою роль, и он, без долгих уговоров, чисто по-деловому, согласился возглавить цех. Согласился, но временно. Это меня пока устраивало.

***

Очень неплохо выглядел цех телеграфа. Передовой цех. Практически лишь изредка он делился в соревновании первыми местами с цехом МТС. Работники его представляли наиболее спаянный дружный коллектив. Поговаривали, что мужская составляющая цеха изрядно пьянствовала, но с учётом того, что Пётр Романович был выходцем именно из этого цеха – все это умело скрывалось.

По условиям выполнения работ, цех стоял в более привилегированном положении, по сравнению с другими. Обслуживая достаточно надёжное телеграфное оборудование, так называемое оборудование вторичного уплотнения, он пользовался каналами, предоставляемыми ему от цеха МТС; линиями связи, предоставляемыми цехом ГТС – и в случае возникновения нештатных ситуаций, имел все возможности «перевести стрелки» на своих смежников. Чем умело и пользовался.

С середины 1985 года цех начал заменять морально устаревшие телеграфные аппараты СТ—2М на современные широколенточные, произведённые в Германской Демократической Республике F-2000. Отдельные штучные экземпляры их уже имелись на сети Синегорска, – одни из первых в республике. Они составляли предмет гордости Ковалёва. Работала автоматическая, на координатных соединителях, телеграфная станция, так называемая – АТ-ПС-ПД

(абонентский телеграф – передача сообщений – передача данных), которая автоматически коммутировала на необходимые направления телеграфные соединения. По возвращению назад в цех, начальником – Ковалёва Петра Романовича, я мог, с полным основанием, за этот цех не беспокоиться.

***

Несколько в сторонке стоял цех радиофикации. Он выполнял работы по распространению и обеспечению сети проводного радиовещания на территории областного центра, по организации озвучивания и обслуживания важных политических мероприятий с массовым скоплением людей. Сеть радиовещания на территории города была довольно развита.

Мощный радиоузел по воздушным фидерным и распределительным линиям обеспечивал надёжную работу шестидесяти пяти тысяч радиоточек (в их числе были и дополнительные) в квартирах горожан.

Несмотря на мощную сеть, вследствие низкой – копеечной – платы за абонентскую радиоточку, доля доходов радиоузла в общей доле доходов ТТС была мизерной. Однако радиоузел был важным инструментом в цепочке идеологической работы, которую проводила в обществе Коммунистическая партия.

Начальник цеха, чувствовалось – хитрая и смышлённая женщина Сторожилова Наталья Ивановна, в духе времени, сумела создать ореол особой, исключительной важности вокруг работы своего подразделения. К месту и не к месту, очень нескромно, выпячивала заслуги радиоузла. Это неприятно бросалось в глаза.

И все же, даже на первый взгляд, у меня складывалось впечатление, что совсем скоро этот цех составит серьёзную конкуренцию в борьбе за вторые и первые места в Социалистическом соревновании цехам телеграфа и МТС.

Пересекаются пути людские. Впервые я увидел и обратил внимание на тогда ещё – просто Наташу, – в институте связи в Ташкенте, в начале семидесятых годов, хотя лично мы знакомы не были. Она была на курс младше меня, училась на факультете радиосвязи, была моей землячкой. Родом из Джамбула, статная, красивая и эффектная, конечно же, она привлекала к себе внимание многих парней. Потом, в институте же, вышла замуж. И вот, надо же, спустя годы, мы встретились на одном предприятии.

Невольно заметил, что с первых дней, Наталья Ивановна повела себя, по отношению ко мне, как-то настороженно, с опаской. Это несколько удивило, и с этим ещё предстояло мне разобраться, но не сейчас же! Сейчас – некогда...

***

Цех АТС показался мне тихим и незаметным. Возглавлял его Нурахметов Аскар Накишевич, самый молодой из начальников цехов, после окончания института уже поднабравшийся опыта и зарекомендовавший себя неплохо как технический специалист. А вот с руководящей работой не получилось! После кратковременной неудавшейся попытки поработать заместителем начальника ТТС, Нурахметов как мне показалось, как-то поник. Это бросалось в глаза. Был он очень немногословен и старался выглядеть незаметным. На планёрках забивался в угол, сидел, съёжившись, выглядел угрюмо. А может быть, это сказывалась природная застенчивость или, то, что он, также как и Степанов, видно из-за какой-то полученной в детстве травмы, сильно хромал, и при ходьбе, – тянул ногу. Мне показалось, что он тоже очень тяготится должностью начальника цеха. Пока только показалось....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.